

Вячеслав
ДЕНИСОВ

ТРИ ДОЛЛАРА И ШЕСТЬ НУЛЕЙ

3.000

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Судья Струге

Вячеслав Денисов

Три доллара и шесть нулей

«ЭКСМО»

2004

Денисов В. Ю.

Три доллара и шесть нулей / В. Ю. Денисов — «Эксмо»,
2004 — (Судья Струге)

Седой – бандит. Струге – судья. Судья хочет помочь следствию задержать бандита. Но ситуация – невероятная: если бандита схватят, то погорит и сам судья. Его услуги станут не нужны. Не нужен станет и он сам. В ход пойдет компромат на него, который до поры удерживают. Справедливый, несправедливый – никто и разбираться не будет. Так что же делать судье Струге? Спасая себя, покрывать бандита Седого? Или преследовать Седого и тем приближать собственный крах? Задача на засыпку...Ранее роман издавался под названием «Компромат пули не слаще».

Содержание

Пролог	5
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Вячеслав Денисов

Три доллара и шесть нулей

Все события, герои и персонажи в романе вымышлены. Совпадения с реальными лицами случайны.

Пролог

Первое, что приходит в голову человеку, впервые посетившему Тернов в начале лета 2003 года, а именно третьего июня, это восхищение. Выходя на перрон железнодорожного, всего несколько месяцев назад модерново отремонтированного вокзала, он видит голубые стекла семиэтажного здания, выступающего из-за обыкновенной «хрущевской» пятиэтажки. На обновление архитектуры прилегающих строений денег, как водится, не хватило, поэтому у приезжего возникает двойное чувство. Великолепие вокзала, убогость окружающей его обстановки, и он, приезжий, начинает понимать смысл слов самого Никиты Сергеевича о том, что тот видит сияющие вершины коммунизма. Можно ли назвать сияющими вершинами коммунизма красивое здание с голубыми стеклами, приезжий не знает, поэтому свои стопы направляет именно туда. И речь в данном случае идет не просто о российских туристах, но и об иностранцах. Итак, что же за здание голубеет позади «хрущевки»?

Оно на самом деле великолепно. Семь этажей, каждый по три с половиной метра, вытянулись в небо и полностью закрывают собой девятиэтажки, вкопанные в землю Тернова за ним. Гранитное крыльцо, мраморная облицовка и скопление годовалых иномарок на стоянке. «Чтоб мы так жили», – думает с завистью иностранец и поднимает свой взор туда, где на флагштоке развеваемый ветром плещется флаг.

– Это здание строили ваши рабочие, – говорит иностранцу встретивший его для производства общих дел терновский торговец нефтью. – Если вы выполняете свои договорные обязательства так же красиво, как ваши строители, наша сделка обречена на успех с момента подписания контракта.

Пообщавшись с переводчиком, немец о чем-то долго говорит. Разглядывая современное здание довольно долгое время, что приводит в некоторое смятение сопровождающих, иностранец показывает на крышу строения и что-то лопочет на чужеземном, недоступном пониманию русского бизнесмена, уже готового заключить с приезжим сделку, языке.

– О чем это он? – спрашивает бизнесмен белокурого толмача, сидящего в арендованном «Мерседесе» на переднем сиденье.

– Да так... О местном колорите, – темнит толмач.

– А о флаге что спрашивает? – настаивает бизнесмен.

Переводчик усмехается:

– О флаге? Ничего! Кажется, вам и переводчик не нужен?

– А что он о колорите долдонит?

– Господин Бауэр обратил внимание на старинную архитектуру.

Русский поднимает голову и долго смотрит на крышу мэрии. Мысль о флаге его не оставляет, ибо он только что своими глазами видел, как немец показывал рукой на флагшток. Не разглядев ничего подозрительного, он все же решается на звонок. После обустройства иностранца в гостинице «Альбатрос», первое, что делает представитель большого российского капитала, это звонит градоначальнику и, ссылаясь на мнение иностранных граждан, сообщает, что над мэрией города Тернова развевается флаг чужого государства. Разъяренный голова сам выходит на улицу, разглядывает «триколор» и, не найдя ничего криминального, звонит бизнесмену. Он

сообщает ему, что если в его адрес поступит еще одна такая шутка, то льгот на уплату акцизов за продажу нефти тому не видать.

Бизнесмен не успокаивается и начинает тревожить геральдическое общество Тернова, члены которого уже пятый месяц бьются над созданием герба и флага города, стоящего на реке Терновка. Получив странный звонок, они делегируют к мэрии своего представителя. Не обнаружив на стяге, над крышей мэрии, ни канадского кленового листа, ни ливанского кедра, ни звезд, представитель прибывает к коллегам и объявляет звонок бизнесмена глупой шуткой ретрограда, пытающегося сорвать работу по созданию символа сибирского города.

Бизнесмена это не останавливает. Веря на слово гражданину Германии, он направляет свой «Вольво» в Главное управление внутренних дел города и начинает тревожить начальника службы общественной безопасности. Он объясняет заместителю главного городского милиционера, что его прямая обязанность – успокаивать взбудораженное общественное мнение и не допускать возникновения предпосылок для западного юмора. Вскоре все встает на свои места. Посланный к новострою оперуполномоченный уголовного розыска Эйхель, простояв перед мэрией несколько минут, выкуривает сигарету и вынимает из кармана мобильный телефон. Раз задача поставлена, о ее выполнении или невыполнении нужно докладывать. И он докладывает, что у бизнесмена, коротающего время в приемной начальника СОБ, не все в порядке с головой. Флаг на месте. Он разноцветный. Полоса белая, полоса синяя и полоса красная, так что пусть торговец протрет свои очки, подъедет к мэрии, еще раз посмотрит на флагшток и успокоится. Да заодно доведет безлошадного оперативника до ГУВД. Ответ незамедлительно передается просителю, и отчаявшийся бизнесмен едет за милиционером. В ходе их короткого разговора, закончившегося в привокзальном кафе за бутылкой виски, бизнесмен долго пытается объяснить капитану, что немцы – не украинцы, они не ошибаются и система «свой – чужой» у них работает безотказно.

Уже ближе к обеду, когда солнце встало в зените и флаг стал плохо различим под режущими лучами, «Вольво» бизнесмена с опером на борту застыл на вокзальной стоянке.

– Чей флаг? – спрашивал милиционер восьмидесятого по счету прохожего с чемоданом, указывая на крышу мэрии. Опер уже порядком устал, поэтому сидел на заднем сиденье иномарки, высунув на улицу ноги. Он давно бы уже вернулся в управление, если бы не настойчивость бизнесмена.

– Я только что приехал. – Это был самый популярный ответ.

Второе место занимало предположение о том, что флаг принадлежит государству.

Пятеро приняли сторону немца и предположили, что флаг не российский, но на предложение назвать какое-нибудь государство лишь пожимали плечами.

За час до встречи с приехавшим немцем бизнесмен не выдержал. Пытаясь заглушить коньячно-висковый перегар, он закинул в рот таблетку «рондо» и произнес:

– Слышь, давай найдем тех, кто флаг вешал?

Через два часа, применив все доступные оперативно-разыскные мероприятия, оперативник и следующий за ним по пятам бизнесмен спускаются в подсобку мэрии. Задав еще пару вопросов, они находят в одном из помещений двоих рабочих. Слесаря и его помощника, которые к тому моменту уже опускали под стол вторую пустую бутылку. Увидев перед собой купюру в сто долларов, оба штатных служащих государственного учреждения готовы были не только дать объяснения, а еще раз подняться на крышу и вывесить тот флаг, который им выдадут щедрые молодые люди. Любой государственной принадлежности.

– Пошли на чердак и вы покажете, как крепили флаг, – сказал им опер. – Кстати, кто вам его вручил?

Слесарь пояснил, что ровно неделю назад первый зам мэра по фамилии Толбухин выдал им полотнище и велел заменить им старое, выцветшее. И это уже третий по счету, который

слесарь меняет своими руками за последние два года. Поверив на слово, милиционер и бизнесмен поднялись на крышу вслед за рабочими.

– Знаю этого Толбухина... – бормотал задыхающийся после изрядной дозы спиртного спутник Эйхеля. – К нему без бабок в кабинет лучше не входить. Спросит, зачем к нему пришли, выдвигает ящик стола и идет к окну цветы поливать. Через минуту возвращается и, если в ящике конверта нет, отказывает. Если есть – подписывает...

– А если конверт без денег положить? – мгновенно сработал мозг Эйхеля. – Пока выяснится...

– Вы, Гена, мусора, вот так и соображаете. Главное – посадить, а там – хоть не освободись. Одним днем живете... Ты в мэрию раз в году заходишь, а мне там ежедневно приходится от кабинета к кабинету болтаться...

На самой крыше ничего не изменилось. На ветру трепетал трехцветный флаг, оттеняя своей свежей раскраской довольно серый с высоты птичьего полета вид города.

– Ну? – настоял оперативник.

– Что – ну? – бросил слесарь. – Взяли и привязали. Он, правда, чуть не сорвался, поэтому пришлось еще укрепить его проволокой.

– Показывай. Спускайте флаг и снова вешайте. – Капитан сам не знал, как в ходе перевешивания российский государственный флаг мог превратиться в символ другого государства, однако решил довести дело до конца.

Стяг был спущен и отвязан. Пощупав его, словно под материей скрывались другие символы, бизнесмен поморщился и, произнеся пять матов подряд, означавших его полное непонимание ситуации, отошел в сторону.

– Вешайте, – велел капитан.

Помня о ста долларах, которые еще до сих пор находились в кармане бизнесмена, слесарь позвал помощника, и они принялись крепить полотнище.

– Толбухин сказал, красным нужно вешать книзу, – пояснил старший работ, после чего полотно взмыло вверх.

В то время, когда бизнесмен, поглядывая на часы, торопил события – он опаздывал на встречу с немцем, капитан милиции, оперуполномоченный отдела уголовного розыска по раскрытию преступлений, связанных с угонами автотранспорта по фамилии Эйхель, наблюдал за последними манипуляциями работников мэрии...

– Что это ты делаешь?! – настороженно бросил он, видя, как слесарь проворачивает флаг на верхнем блоке флагштока вместе со струной.

– Если я его не проверну, мне не хватит веревки, чтобы привязать струну к нижней части! – повернув потное лицо в сторону опера, прорычал тот. – Не видишь – полметра не хватает?!

– Мать моя... – пробормотал опер. – Он же перевернул флаг... И как давно ты вешаешь флаг страны вверх ногами?! Упомянутые тобой два последних года?!!

Слесарь выпрямился и вытер рукавом потный нос.

– Знаешь что?.. Шел бы ты туда... откуда пришел. Мне дают – я вешаю. Не дают – не вешаю. Сказали – перед тем, как вешать, красным книзу опусти, я опускаю. И поднимаю. А там – хоть не развевайся. Понял? – Немного успокоившись, добавил: – Честно говоря, такое впервые. Обычно эта веревка... – он указал на ту, которой фиксировалась струна, – была на два метра длиннее. А этот раз почему-то короче... Если флаг на блоке не провернуть, то не подтянешь бечеву. А если ее не подтянешь, флаг не закрепить. Он падать будет. Такие дела... Где доллары?

– Делай что хочешь, ущербный, но чтобы флаг страны через десять минут висел по-русски, – приказал капитан. Предугадывая непослушание, напоследок он пообещал привлечь

обоих служащих к административной ответственности за употребление спиртных напитков в общественном месте.

Дело было сделано, ситуация разобрана, и теперь можно было докладывать начальству об ее изменении в лучшую сторону.

– Маразм, – заключил Гена Эйхель, спускаясь по чердачной лестнице. – Довезешь до Управы?

Последний вопрос был обращен к бизнесмену, только что расставшемуся с сотней. Он спускался следом, стараясь не испачкать в чердачной пыли дорогой итальянский костюм.

– Не вопрос. Только давай сначала в «Альбатрос» заскочим, а то я к немцу на встречу опаздываю. Знаешь, первый день, а впереди сделка серьезная. Если все будет тики-так, в городе откроется два десятка германских гаштетов. – Встретив непонимающий взгляд милиционера, он пояснил: – Ну, клубов пивных, закусовых...

– Как «Макдоналдс»?

– Что-то вроде того...

Эйхель против не был. Ни против гаштетов, ни против поездки в «Альбатрос». Судя по всему, рабочий день на сегодня уже сломан, да и начальник, послав его к мэрии, был в курсе. Так что осталось лишь заскочить в мэрию, отметить, сдать пистолет и под каким-нибудь предлогом улизнуть домой. За последние пять месяцев у Эйхеля было всего шесть выходных, об этом знали все, поэтому никто не будет против, если он за два дня до заслуженного отпуска поработает по собственному плану. А на сегодня план был такой: объявить начальнику об оперативном контакте с «человеком» и исчезнуть из управления до завтрашнего дня. Дураку понятно, что если состоялась «встреча», то получена информация. А если таковая имеется, то редкий опер ее не проверит... Типичная отмазка для оперативника, стремящегося на несколько часов выйти из поля зрения начальства. Судя по времени на «Ориенте» малазийской сборки, что болтались на запястье Гены в момент выхода из мэрии, теперь эти «несколько» часов продлятся до завтрашнего утра.

Гостиница «Альбатрос» в двух минутах ходьбы от мэрии, и в пятидесяти метрах от входа в железнодорожный вокзал. Эйхеля устраивало то обстоятельство, что это по дороге к управлению, значит, пока делец ходит «по немцам», можно выйти и прикупить пару пирожков с капустой. Два бутерброда с ветчиной, коими закусывались несколько порций виски бизнесмена, для голодного желудка капитана оказались слабым утешением. Доехав до гостиницы, Леонид Мариноха, как представил себя требовательный к соблюдению всех тонкостей в государственных символах организатор гаштетов, выскочил из «Вольво» и направился к входу в «Альбатрос». А Гена Эйхель, окинув взглядом площадь, обнаружил самую ближнюю бабушку с армейским термосом цвета хаки и распахнул дверцу.

К машине он подошел одновременно с охранником из «Альбатроса».

– Это вы тот милиционер, который прибыл с господином Маринохой?

Такое определение Эйхелю не понравилось, ибо ко многому обязывало, поэтому он лишь поинтересовался:

– Кто спрашивает?

Превозмогая амбре тушеной капусты, исходившее от Гены, охранник сказал, что господин Мариноха просит милиционера, который сидит в его автомобиле «Вольво», немедленно войти в гостиницу, в двести пятый номер.

– Зачем?

Охранник переступил с ноги на ногу, как застоявшийся жеребец.

– У нас неприятность.

– Какая? – засунув остатки пирожка в рот, Гена вытер руки «сервисной» салфеткой, в которой ему подали пирожки, и зашвырнул ее в рядом стоящую урну.

– Он просит вас зайти... Дал мне хорошие чаевые... Поймите меня правильно.

– С каких это пор охранникам стали давать чаевые? – презрительно улыбнулся Гена. – А? Ты ему чемодан поднес? Или кофе приготовил?

– Так вы пойдете?

Сплюнув на асфальт, Гена посмотрел по сторонам и решительным шагом направился ко входу...

Охранник бежал впереди и раскрывал перед Генной двери – «сюда», «сюда, пожалуйста»...

Войдя в номер, Эйхель понял, что охранник был прав. Неприятности были налицо. Точнее – на лице. На лице человека, лежащего на кровати номера. Маленькое пулевое отверстие, из которого вытекла струйка крови. На стуле, сжимая голову руками, сидел Мариноха.

– Познакомь меня с телом, – слотнув капустную слюну, попросил Эйхель своего коллегу.

Тот поднял красные, мутные от свершившегося глаза на милиционера. Казалось, он сошел с ума.

– Это Франк Бауэр. Тот немец, с которым я должен был заключать сделку по организации в Тернове сети ресторанов...

Да, тут есть от чего расстроиться. Вряд ли эта сделка состоится не только в ближайшем будущем, но и вообще. Рассматривая бездыханное тело немецкого предпринимателя, Эйхель сомневался в том, что после последних событий Тернов переполнят торговые представители из ФРГ. Скорее сбегут приехавшие раньше. Особенно из числа тех, кто организовывал в городе комбинаты питания.

И он понял еще одну вещь. Отпуск за границей откладывается.

Вынув из кармана сотовый телефон, Гена некоторое время стоял неподвижно, отколу-пивая языком прилипший к нёбу кусочек капусты. Нужно было время, чтобы оценить свои последующие действия. Начальник милиции общественной безопасности послал его рассмотреть над зданием городской ратуши флаг, а он нашел труп. Личное обнаружение тела убитого – не самый приятный момент в работе милиционера. Гораздо лучше, если это делают простые граждане. Собственно, так оно и вышло, однако, вместо того чтобы звонить «02», к телу подзвали его, Гену Эйхеля, старшего опера по раскрытию угонов автотранспорта. И звонить в прокуратуру придется именно ему.

Прожевав капустный листок, Эйхель быстро набрал номер транспортной прокуратуры. Любой другой позвонил бы в районную, однако капитану было известно, что гостиница «Альбатрос» до сих пор находится на балансе этой организации. Все преступления, совершаемые в гостинице и имеющие статус тяжких, попадали под подследственность транспортной прокуратуры. Ранее гостиница была ведомственной, в ней останавливались все, кто приезжал в город на конференции, собрания и совещания, связанные со слетом всех прокурорских кадров. Теперь название сменилось со «Звезды» на «Альбатрос», цены повысились в пять раз, и всех прокурорских из нее выселили. Однако какие бы преобразования ни шли внутри, снаружи она была неизменно покрыта гранитом и стояла там же, где ее оставил архитектор Чичков в начале девятнадцатого века – в пятидесяти метрах от входа на железнодорожный вокзал, в ведении транспортной прокуратуры. Вот теперь пусть транспортный прокурор Пашенко Вадим Андреевич сам и решает, что делать с телом немца.

– Как же это произошло?.. – пробормотал Мариноха, который до сих пор не мог поверить своим глазам. – Как же такое могло случиться? Как??

– Вскрытие покажет... – обреченно заверил Гена. – Алло!..

Ему на самом деле было от чего расстроиться...

Часть первая

Глава 1

Полный годовой отпуск работника с таким юридическим стажем, как у федерального судьи Центрального районного суда города Тернова Антона Павловича Струге, составляет пятьдесят пять суток. Чтобы увеличить его еще на несколько дней, можно подгадать под праздники или уйти на выходные, зная, что с понедельника ты уже свободен. Однако судья, у которого в производстве находится столько дел, никогда не позволит себе такой роскоши. Он разобьет его на два периода отдыха в течение года. Такое допускается, и потом, это выгодно. Нет сомнений, что такие страдания, как проблема разбивания отдыха судьями, вызывают неподдельное возмущение тех, чей отпуск определен законодательством в двадцать четыре дня. Однако не всякий решится поменяться своим местом со Струге. Именно поэтому мало кто возмущается и количеством предоставляемых судьям дней отпуска, и зарплатой, и прочими льготами. Впрочем, льготы – разговор отдельный. С проведением глобальной судебной реформы, направленной на укрепление государственного строя и на изменение жизни тех, в отношении кого проводится реформа, льготы действительно изменились. Что, собственно, и реформировало уровень жизни последних. Изменение проявилось в том, что отныне судьи стали получать меньше, а на социальные нужды тратить больше. Осталась одна льгота, которая самым чудовищным образом стала выделять класс судей как имущий. Бесплатный проезд на общественном транспорте. Тысячи жрецов Фемиды в таких убогих странах, как Германия, Франция и США, услышав о беспредельных правах российских судей, едва не разорвали свои мантии. Им-то, забытым и обездоленным, таких прав, как босяцкий проезд на автобусе, никто даже не предлагал. И лишь в розовых снах им снится, как они входят в автобус, а на предложение кондуктора предъявить билет за проезд злорадно смеются и предъявляют удостоверение судьи – «Обломись»...

Однако судебная реформа в той части, которая касается непосредственно материального благосостояния судьи, Антона Павловича не коснулась даже здесь. Несмотря на то, что его судейское удостоверение превратилось в проездной билет, ему от этого стало не легче. На работу и домой с работы он ездил на маршрутных такси и маршрутных автобусах, внутри которых расклеены плакаты с просьбой есть семечки вместе с шелухой и злорадно возвещающие о том, что «льготы не действуют». Не действуют, и все. Хоть убейся.

Как бы то ни было, через три дня наступал долгожданный отпуск, первая часть которого как раз приходилась на начало июня. Вторую половину Струге решил задействовать в декабре, по просьбе жены, Саши, как возможность съездить к ее маме, своей теще, на день рождения.

Доехав до своей остановки, Антон вышел и быстро дошел до дома. Собственно, чтобы попасть с остановки в свой подъезд, ему оставалось лишь перейти дорогу. Дом встретил его прохладой и легким ароматом Сашиних духов. Странно, но они не выветривались даже тогда, когда настежь открывались все окна. Едва теплый воздух с улицы, проникнув в квартиру, охлаждался о ее холодные стены, окна закрывались. Но даже тогда чувствовался этот аромат «Дюпон». Что поделать, Антон воспринимал близость жены как благодать не только по причине ее запаха дома. Саша присутствовала в его жизни во всем. Но сейчас она была еще на работе. Бросив у порога портфель – «потом разберусь» – и почувствовав, что в него начинает забираться привычная предотпускная ленца, он прошел в комнату и рухнул в кресло.

Позвонить сразу ему не удалось. Мешал Рольф – любимец Струге. Рольфом зовут немецкую овчарку, попавшую в руки Антона полгода назад. Из пятимесячного щенка кобель вымахал в огромную псину, но, судя по всему, останавливаться в росте еще не собирался. Оттолк-

нув его слюнявую, радостную морду от своей рубашки, Струге вынул из гнезда телефонную трубку и по памяти набрал номер. Не проходило дня, чтобы он хоть раз не разговаривал со своим другом детства Пашенко. Они вместе росли, вместе учились, потом, уже после армии, вместе следачили в транспортной прокуратуре. Чуть больше девяти лет назад их дороги разошлись: Струге ушел работать в суд, а Пашенко стал прокурором. Не было дня, чтобы Антон с Вадимом не перезванивались или не встречались. В выходные, если позволяли служебные дела, вместе играли в футбол на стадионе «Океан», где тренировался одноименный клуб из Тернова, иногда выбирались в город, чтобы за бокалом хорошего пива разобрать какую-нибудь жизненную ситуацию на запчасти. Разбирали, а потом собирали по своему усмотрению.

Вот и сейчас, когда день почти подходил к концу, снова должен был состояться звонок одного из них. Струге в течение дня не звонил Пашенко в одном случае – если он был в процессе. Пашенко не беспокоил Антона, если у него также были неотложные дела. Сегодняшний, четвертый перед отпуском день Струге провел, практически не выходя из зала судебного заседания. Уже неделю продолжался процесс, приговор по которому Антон планировал вынести в последний день перед уходом в отпуск. Часы на стене показывали начало седьмого вечера, и чтобы не ошибиться, Струге набрал номер мобильного телефона Вадима. «Так будет наверняка»...

– Здравствуй, Антон. – АОН прокурора работал безошибочно. – Перезвонить можешь?

Становилось ясно, что Пашенко завис в коллоидном растворе под названием «неотложное дело».

– Не вопрос, – согласился Антон. – Только когда освободишься, перезвонишь сам.

Заставлять себя ждать прокурор не стал. Струге не успел вымыть две чашки с засохшим на дне осадком кофе, как телефон призвал его к себе.

– Привет еще раз, – устало произнес Пашенко. – Ну, как настроение?

– Отменное. – Произнося этот неизменный ответ на подобный неизменный вопрос, судья чувствовал, что на этот раз не лукавит. – Слушай, забавная история происходит в нашем городе. Я уже второй день езжу на работу мимо мэрии и вижу одну и ту же забавляющую меня картину. Над городской ратушей развивается сербский флаг, а никому до этого нет дела. Мне как-то неудобно, может, ты позвонишь Мартынюку да сообщишь ему о том, что негоже у себя над головой вешать флаг страны, перевернутый вверх ногами?

– Наверное, ты – единственный из терновцев, кто это заметил, – после непродолжительной паузы ответил Вадим.

– Да? Наверное. Но я бы никогда не обратил на это внимания, если бы не Валька Хорошев. Помнишь его?

Пашенко быстро напряг память и вспомнил знакомую фамилию. Валентин Хорошев был их одноклассником. Потом он куда-то исчез, а после выяснилось, что он поступил в Новосибирское высшее военно-политическое училище.

– А почему ты Вальку вспомнил и при чем здесь сербский флаг?

Струге рассмеялся:

– Помнишь, НАТО долбило Югославию да делило территорию – куда англичане входят, куда немцы, а куда – американцы? А когда поделили да двинулись на распределенные зоны, неожиданно выяснилось, что в албанской Приштине уже русский десантный батальон. В то время, когда «натовцы» вешали на каски ветки и мазали рожи в боевую раскраску, наши уже катали по аэродрому девок на БТРах да жарили прямо на взлетной полосе, на решетках, праздничные чевапчичи. НАТО тогда сильно на Россию обиделась. Те миллиарды вбили, чтобы в Югославию войти, а русские лишь на солярку от Македонии до Приштины потратились...

– Валька? – устало напомнил Пашенко.

– А наш Валька Хорошев как раз и был заместителем того батальона. Он, когда рассказывал мне об этом, упоминал, как они дуру на всем пути гнали. Пока по Сербии ехали, рос-

сийские флаги вверх ногами держали. Мол, свои, чтобы лишних восторгов не было. А когда в Приштину зашли, на албанскую территорию, флаги правильно повесили. Пока то да се, они на аэродром въехали. А о флагах потом вообще позабыли. Не до них было. Обрато ехали – кто с российским флагом едет, кто с сербским... – Вадим услышал, как Струге, выдерживая паузу, что-то пьет. – Мэрия наша, а флаг – сербский. Вот поэтому я и обратил внимание...

– Кроме тебя, еще кое-кто обратил на это внимание, на свою беду. – На этот раз Пащенко не шутил и веселый настрой друга поддерживать не собирался. – Но не из местных. Сейчас он мерзнет в городском море. Проветриться не желаешь? Или жена будет против?

– Ее нет. – Допив нарзан, судья поставил бокал на столик. – Может, Рольфа с собой взять?..

– Да пошел он к черту, твой Рольф!! Сволочь, вымазал мне слюной весь пиджак!..

– А я тебе говорил – выставляй колено вперед, когда он тебе на грудь от радости прыгает! Ладно, через полчаса в грузинском кафе?

Струге постарался побыстрее переодеться и выйти из дома. Пащенко все равно, у него жены нет, а раз так, нет и тех проблем, которые всегда возникают у нормального мужика, когда ему в голову приходит поиграть в футбол или выпить в баре с другом кружку пива. Антон был игроком на поле, но являлся судьей по статусу, и последнее заставляло его быть осторожным в выборе поступков и реализации желаний. Встречаться с кем-то на улице и при этом пить с ним пиво, пусть даже этот «кто-то» – прокурор, небезопасно для репутации судьи. Однако грузинское кафе, хозяин которого до сих пор находился в неоплатном долгу перед Вадимом, – это было нечто вроде надежной явки, где можно не озирааться по сторонам.

Это уютное заведение, где в распоряжение Пащенко и Струге всегда предоставлялся отдельный кабинет, было расположено на перекрестке двух улиц, не имеющих сообщения с центральными магистралями города. Зная репутацию кафе как места, в котором любят перекусить менты, налоговые полицейские и «остальные, пожелавшие остаться неизвестными», к коим относились и Антон с Пащенко, в него никогда не приходили яйцеголовые граждане с предложением выстроить то, чего у кафе всегда хватало с избытком – «крышу».

Пащенко пришел тяжелый, словно слон, потерявший надежду найти воду после долгого перехода. Зная о том, что в пятистах километрах есть река, слоны, теряя последние силы, движутся туда, сжигая топливо до последней капли. А когда приходят к реке, то видят, что она пересохла. Точно такое же впечатление о себе принес Пащенко. Завидев Антона, он вяло махнул ему рукой, подошел к барной стойке, купил пачку сигарет и только потом оказался рядом с Антоном. Спрашивать, что случилось, судья не стал. Если Пащенко до сих пор, уже прикурив сигарету, ничего не сказал, значит, так нужно.

Несмотря на постоянно бравый, безукоризненный внешний вид, сегодня Вадим был слегка помят и даже несколько растерян. Такое с прокурором происходило лишь тогда, когда происходило нечто, что было выше его понимания.

– У меня через три дня отпуск, – как бы невзначай бросил Струге. – Знаешь, на Белом озере сейчас карась пошел такой крупный... Я уже удочку присмотрел. Неужели они, удочки, действительно так хороши, что за них три тысячи просят?

Удар был рассчитан наверняка, ибо Струге знал точно – Пащенко знает все виды удилищ и воблеров наизусть. То время, которое у прокурора оставалось после работы и общения с судьей, а при таком раскладе его оставалось совсем мало, он тратил на рыбу. Причем не на минтая или семгу, которую гораздо выгоднее было бы, не выезжая за пределы города, приобрести в ближайшем супермаркете, а на пустяковых, но живых карасей, язей и окуней. Однако на этот раз стрела, пущенная наверняка, сбилась с курса и исчезла из поля зрения.

– Я так плох? – полюбопытствовал Вадим.

– Ну, не так, чтобы говорить об этом безапелляционно, – возразил Антон. – Но уединение тебе бы не помешало. Хочешь, съездим? Я уговорю Сашу, она расстегнет на мне наручники,

и мы заночуем на Белом. А одиночество тебе, на мой взгляд, на самом деле не помешало бы. Мы расплывемся на разные концы озера и уединимся лишь за тройной ухой поближе к вечеру. Так как?

Прокурор пожевал губами и рассеянно, то есть мимо пепельницы, стряхнул пепел. Однако этого он, казалось, даже не заметил.

– Уединение нужно искать не на природе, а в больших городах. Там до тебя никому нет дела. За два часа пребывания в деревне к тебе подойдут минимум трое и справятся, к кому ты приехал. И выглядеть это будет столь же навязчиво, как и домогательство мошкары на озере. Я хочу в Москву, однако последние события говорят о том, что в ближайшее время я там не окажусь ни в качестве работника, ни в качестве туриста.

Струге поморщился и растер лицо руками. В Москву он не хотел, однако хорошо понимал Пащенко. Точнее, он хорошо понимал, что такое усталость, уничтожающая все желания и оставляющая человека на пороге полного безразличия. Пащенко не хочет на рыбалку, не хочет и в деревню. Не желает оставаться в городе и при этом уверен, что никогда не окажется там, куда хочет попасть. Невыветриваемая усталость, переходящая в безнадегу...

– Что произошло, прокурор?

Махнув бармену, чтобы тот принес пару пива, Пащенко опять вооружился сигаретой и поведал странную историю. Сегодня утром в гостинице «Альбатрос» случилось небольшое событие, которого ранее в данном учреждении соцкультбыта не происходило. Немецкий гражданин, приехавший в Тернов подписывать контракт на организацию в городе сети ресторанов быстрого питания, был обнаружен в одном из гостиничных номеров мертвым. Все признаки указывали на то, что гражданин из Потсдама умирать по собственному желанию в ближайшее время не собирался. Он прибыл в Тернов поездом из столицы, куда, в свою очередь, прилетел из Берлина. С собой у него был большой чемодан со сменой вещей, указывающих на намерение задержаться в России минимум на месяц.

– Зачем везти с собой, зная, что ты через пару-тройку дней вернешься обратно, шесть рубашек, два костюма и пять смен белья? – резюмировал свой рассказ Пащенко. – Записная книжка, тетрадка – это понятно. Но зачем везти фотографии жены и упаковку таблеток парьет от язвы, которые принимаются однократно в течение дня?

– Может, он из тех, кто все свое возит с собой?

– Это человек-то по имени Франк Бауэр? Он же не цыган, Струге! Немец на месяц вперед рассчитает, сколько нужно взять в поездку денег, сколько капель валерианки и какой толщины книжку, чтобы в минуты приземления в Берлине перевернуть последнюю страницу. Он ехал в Тернов, рассчитывая пробыть тут минимум месяц.

– А почему у тебя голова болит, Пащенко? – спросил, точно зная ответ, Струге. В минуты усталости, в которых сейчас пребывал Вадим, человеку нужно задавать вопросы, которые не будут заставлять его напрягаться, вопросы, на которые у него всегда готов ответ. Ставя человека перед неразрешимыми проблемами в момент сомнений, можно перестараться и заставить его обмякнуть окончательно. – «Альбатрос» с прилегающими к нему территориями – подследственность районной прокуратуры. Ну, учитывая легкую политическую окраску произошедшего – областной. А ты-то чего напрягаешься?

– Да гостиница эта, будь она проклята! – вскипел прокурор. – Чтоб она рухнула на свою подземную стоянку! Висит на моей шее, как мельничный жернов!.. Сколько раз прокурору говорил – сними ты с меня этот крест! Почему транспортная прокуратура должна заниматься преступлениями, совершенными на территории районной прокуратуры?! Почему вокзал, который на железной дороге стоит, относится к территории прокуратуры Центрального района, а гостиница, которая находится гораздо дальше от железнодорожных путей, – в ведении транспортной прокуратуры! Где логика?

– Нет логики, – признал Струге, понимая, что при таком развитии событий это лучший ответ.

– А прокурор области велел взять дело под свой контроль и заниматься с его следственной группой. Идиотизм, конечно, налицо, однако если учесть, что меня уже второй месяц сватают в область...

– Тебя просят в областную прокуратуру? – удивился Антон. – А почему я об этом ничего не знаю? И как обзывается вакансия, на которую тебя призывают?

– Заместителем она обзывается... – Вадим растер лицо. – А что толку об этом говорить, если все вилами на воде писано? Сегодня сватают. Завтра разведут. Послезавтра забудут. Тут немец этот еще, со своим контрактом...

– Банальное ограбление отработывал?

– А что тут отработывать? – Дождавшись бармена, Вадим принял с подноса два бокала и разместил на столе. – Чемодан распахнут, вещи выброшены. На трупке костюм, у которого вывернуты все карманы. Постель перевернута, шкаф распахнут... Портмоне пустое, рядом валяется, денег нет, пол номера щедро посыпан деловыми бумагами из папки.

– А к кому он так рвался в Тернов, чтобы подписать контракт?

Антон ожидал услышать неразборчивую кашу из предположений и междометий, равнозначную устойчивому словосочетанию «предстоит выяснить», однако, вопреки ожиданиям, Пащенко оторвался от бокала и как на духу выдал:

– Мариноха Леонид Алексеевич, бизнесмен средней руки, начинающий вползать в крупный бизнес путем строительства в Тернове сети автозаправок и гаштетов.

– Чего??

– Автозаправок.

– Это я понял. И еще чего?

– Гаштетов. Это такие легкие кабачки в Германии.

– Парня нужно порасспрашивать. – Пиво оказалось свежим, но не того сорта. Почувствовав разочарование, Струге догадался, что его настроение портится. В дурном расположении духа во всем лучшем он всегда безошибочно определял недостатки. – Быть может, именно подписание контракта, а точнее, обговаривание его условий могло послужить следствием такого недоразумения, как выстрел компаньону в лоб.

– Исключено, – отрезал прокурор. – У Маринохи железное алиби. В момент убийства этого Бауэра он находился с ментом из ГУВД.

– Даже так? – рассмеялся судья. – Нет алиби железнее на свете, чем быть в момент убийства на примете?

Пащенко поморщился. Два глотка пенистого пива оказали на него удручающее действие.

– Видишь ли, в чем дело... Мариноха встретил Бауэра, а тот сделал то же, что сделал ты. Он обратил внимание на то, что флаг на мэрии полощется не по теме. И сказал об этом вслух. А наш старательный бизнесмен отправился искать правду. Нашел он ее в ГУВД, в лице опера, занимающегося угонами, по фамилии Эйхель. Все время, вплоть до гостиницы, он был с ним. Выходит, Мариноха тут не при делах. Да и зачем ему убивать человека, который приехал его обогатить?

– Экспертиза показывает, что Мариноха не мог убить немца ни до встречи с ментом, ни после? – безошибочно предположил Струге. Было бы глупо надеяться на то, что Пащенко, заводя этот разговор, это не установил.

– Да. В Бауэра выстрелили в период с одиннадцати до двенадцати часов, а Мариноха не выходил из поля зрения Эйхеля с десяти до четырнадцати. Такие дела...

Никто из служащих гостиницы ничего, конечно, не видел и не слышал.

– Ты представь, Струге, какой неслыханный маразм получается! Двое пьяных слесарей повесили флаг вверх ногами, а виновным оказался я! Не окажись Мариноха таким настойчи-

вым, он приехал бы к Бауэру еще в одиннадцать. Они собирались пообедать и сходить в баню. – По всему было видно – еще немного, и в смерти немца Пашенко начнет обвинять самого себя. – Кому сказать, что смерть подданного Германии произошла по причине незнания гражданами России расцветки флага своей страны, – засмеют. А ничего смешного нет.

– Ладно, не напрягайся, – успокоил друга Струге и надел темные очки. – Немца убили, потому что хотели убить. И это все равно случилось бы. Так что слесари тут не при делах. Разница лишь в том, что тебе теперь доподлинно известно, что его компаньон этого не делал. Это уже немало. Одним словом, собирайся и пошли. Сейчас Сашка домой придет, и будет очень удивлена фактом того, что мой портфель уже дома, а я до дома еще не дошел. Через три дня у меня отпуск. А это тоже немало. Если Сашка не утащит сразу к матери... Да, кстати, коль скоро заговорили о родственниках! В Германию о смерти Бауэра уже сообщили?

– Сообщили. – Прокурор произнес это таким тоном, что Струге догадался – была бы воля Пашенко – закопали бы по-тихому...

Глава 2

Март 2003 года...

Николай Иванович Полетаев принадлежал к той категории людей от бизнеса, которые в этой жизни уже состоялись. Состоялись, как счета в банках, как успевший осесть после строительства и прочно укрепить свой фундамент его трехэтажный особняк на окраине города, и все прочее, что является непреходящими атрибутами преуспевающей жизни. Таких людей, как Николай Иванович, редко мучит бессонница, и не потому, что он уплатил все налоги, а по другой причине. Не опасаясь пагубных последствий, он волочил за собой длинный хвост своих жиганских связей. Полетаев имел в миру прозвище Пролет, хотя в том кругу, в котором он вращался, более уместно употребить слово не «прозвище», а «погоняло».

Да, Николай Иванович был преступником. В самом ясном и четком понимании этого определения. Он уже давно не подавал в суд иски по защите чести и достоинства по этому поводу, хотя еще семь лет назад распыхивал в зале судебного заседания волны гнева и метал молнии по факту каверзных нападок на его персону со стороны различных организаций. Этими организациями сначала была редакция газеты «Вечерний Тернов», а потом – отдел по борьбе с экономическими преступлениями ГУВД Терновской области. Первая структура, заметив, что правоохранительные органы никак не реагируют на факты совершенно незаконного обогащения Полетаева, выпустила в свет статью под омерзительным названием «Оборотенный капитал на службе строителей воздушных замков». Не заинтересовать своим названием, где явственно усматривалась грамматическая ошибка, статья не могла. То, что никакой ошибки в названии нет, благодарный терновский читатель уяснял так же быстро, как понимал, что фамилия Глазов под текстом – не более чем псевдоним. Ни один нормальный человек, желающий прожить долго и умереть своей смертью в присутствии близких людей, ни за какие гонорары не станет писать того, на что поднялось перо этого Глазова. Он, ничтоже сумняшеся, рассуждал о том, как в полнолуние, новолуние и даже при ярком солнце отдельные оборотни обрастают капиталом, как шерстью. Далее читатель мог узнать, что для распознавания оборотня, читай – упыря, вовсе не нужно прыскать на него святой водой, давать нюхать чеснок или рассматривать его отражение в зеркале. Гораздо легче приехать в организацию под вывеской с ни к чему не обязывающим названием «Сибстройтрест» и постучать в кабинет президента. Секретарь вас впустит, и вы сможете лицезреть самого настоящего оборотня. Журналист Глазов утверждал, что перед тем, как войти в приемную Полетаева, обязательно нужно постучать, ибо если вы этого не сделаете, то испортите себе настроение на весь год. Вполне возможно, что владелец «оборотенного капитала» будет сидеть на столе и выкусывать между своими мохнатыми пальцами прицепившиеся к шерсти репы.

Надо сказать, что статья была написана в виде фельетона, где преобладал английский юмор со свойственными этому жанру тонкими намеками на весьма распухшие обстоятельства. Автор раскрывал схему того, как можно очень долго быть вором и при этом не иметь перед собой обязательств хотя бы пару лет посвятить общению с простыми людьми в простой колонии общего режима. Николай Иванович строил дома, заключал инвестиционные договоры и обеспечивал людей жильем. Вроде бы гуманнее этой профессии может быть только труд врача или учителя... Однако Глазов «засунул свою пятачину (как сдуру заявил на первом процессе Полетаев, явившийся без адвоката) туда, куда собака не сует свой...». В общем, подонок этот Глазов. Он усмотрел в схеме инвестирования и обратной отдачи нечто, что являлось (как потом утверждал на том же первом процессе прокурор) самым настоящим составом преступления. Николай Иванович нанимал для строительства фирму, после чего отправлял инвесторов вкладывать инвестиции именно на ее счет. Подрядчика, так сказать... Плохо, правда, что никто из инвесторов не знал, что «подрядчик» – не что иное, как образованная самим же Николаем

Ивановичем организация. Директором там числился... Да кто интересовался, что директором там числился Фрол Макеевич Вафельников, спокойно доживающий свой девяносто шестой год рождения в глухом сибирском селении? Фрол Макеевич все знал о своей жизни. Как царя расстреливали – помнил, как в НКВД «стучал» – помнил, как Вену брал – тоже помнил, но вот тот эпизод, как он на протяжении пяти последних лет строил дома и продавал квартиры гражданам, на все том же процессе он не мог вспомнить при всем желании. Говорят, к тому возрасту, которого достиг Фрол Макеевич, людьми овладевает старческий маразм и они начинают откровенно валять дурака, даже не подозревая об этом. На это, собственно, и ссылался адвокат Николая Ивановича, вызванный на второй процесс после того, как Полетаев понял, что без юриста в суде не обойтись в любом случае.

Но это все, в том числе и адвокат, было потом. А сейчас была статья, автор которой Глазов доводил до будущих инвесторов, что если уж они не знают, в какую урну выбросить лишние деньги, то пусть они приходят к нему и отдают. Результат будет тот же самый, как если доверить деньги подрядчику Полетаева. Ни денег, ни квартиры. Когда все квартиры проданы и инвесторы заплатили деньги подрядчику, которого «нанимала» «строительная фирма» Полетаева, эти квартиры продавались еще раз, а потом – еще раз. Если инвесторов, то бишь идиотов, было много, то и – в четвертый раз. Когда дом покрывался крышей и квартиры принимали вид, пригодный для проживания, подрядчик исчезал, а Полетаев разводил руками и советовал второй, третьей и четвертой очереди инвесторов обращаться за справедливостью в суд, говоря избитую фразу о том, что он сам не ожидал такой подлости от подрядчика. Набрал денег, скотина, и пропал.

Подрядчик, как утверждал (ох, га-а-ад) Глазов, никуда и не исчезал. Он спокойно колот дрова в сибирской глухомани и варил кашу на таганке. И последнее, что он построил, была изба в далеком пятьдесят пятом. Когда же в статье подходило время назвать главного фокусника, Глазов скромно указывал пальцем на Полетаева, отворачивался и чертил туфлей на песке узор.

Как обычно в таких случаях, милиция успела вовремя. Нашелся и Фрол Макеевич, которого за счет прокуратуры доставили из Новосибирской области в Тернов с тремя пересадками, и остальные участники «подряда», которые о своей теневой стороне жизни – ни сном ни духом. Правильнее было бы сказать – ни ухом ни рылом, потому что первое, что они сделали, это отыскивали в редакции Глазова по фамилии Гурьев и избивали так, что он еле добрался до ближайшего райотдела. Когда его, приняв у него заявление, выпустили на улицу, его уже поджидал специально отправленный лимузин Полетаева.

Бедного журналиста ждала печальная участь. Сначала его искупали в проруби трое жлобов, которые сидели в лимузине, потом подвесили вниз головой на осину и били резиновыми шлангами до тех пор, пока не отнялись руки. У жлобов, разумеется. Журналиста снял с дерева бомж, случайно оказавшийся у реки.

Вот тут-то милиция и успела вовремя. Как раз в тот момент, когда едва откачали Глазова-Гурьева и Николай Иванович, решивший на время уехать в Испанию, покинул железнодорожный вокзал. То есть в тот момент, когда ловить было уже некого и нечего. Однако уже через год все образовалось. Полетаев вернулся из Страны Басков, а журналист вновь обрел способность писать статьи. Милиция сработала четко, быстро и почти по горячим следам. Полетаев оказался в СИЗО, а Глазов-Гурьев выступил на суде потерпевшим в числе тех двух сотен, которому подлый подрядчик продал уже дважды проданные квартиры.

Пять лет лишения свободы. Именно такой приговор вынес глупый судья по фамилии Струге, который рассматривал дело «терновского подрядчика-оборотня». Глупый, потому что ему предлагались и двухуровневая квартира в центре города, и эквивалент ее стоимости в рублях и в долларах, а он... Дурак, одним словом. Дурак и подонок. Он сам-то хоть знает, что такое пять лет за «решкой»?! Конечно, не знает, они же все несудимые...

Николай Иванович честно отмотал и откинулся. И стал внимательным и осторожным, как та собачка Павлова. Дедушка Павлов свое дело сделал и забыл, что с собачкой сотворил. А собачка не забыла... Так и со Струге. Тот наверняка забыл... А Николай Иванович – нет. Вот уже семь лет, как помнил. Пять лет в зоне и два последних года – здесь, на воле, дома.

Однако теперь Полетаев чист перед законом, им научен и им же воспитан. Теперь Николай Иванович ворует гораздо больше и гораздо незаметнее. Он владелец трех казино, которые перепали ему как раз после ухода из этого бизнеса господина Измайлова. Тот дел каких-то наркотических наделал, да освободилось после этого свято место. Полетаев ждать не стал и свято место занял. Чтоб, значит, разговоров не было, что оно пустует.

Но это работа. Куда без нее, если жрать сладко хочешь? А что касается души...

Для души Николай Иванович любил картины. Несмотря на то, что к мазкам великих мастеров, нанесенных теми на холсты пару веков назад, он был равнодушен, как корова к мясу, к живописи Полетаев относился трогательно. Всему виной была цена, которую указывали за нее на аукционе Сотби. Он никак не мог отождествить номинальную стоимость своего дома, указанную строителями в три миллиона долларов, с той же ценой «Маленького ныряльщика» Гойя размером сорок сантиметров на тридцать пять, предположительную стоимость которого указали устроители Сотби в прошлом году. Эту славную картинку со смеющимся на берегу то ли моря, то ли реки мальчиком телевидение так и не смогло показать на экране, объяснив такое безобразие отсутствием возможности обнаружить ее в природе. Эта картина потерялась из вида специалистов и просто ценителей сразу после начала Второй мировой войны. Последнее упоминание о ней было в сентябре сорокового года, когда один из генералов вермахта подарил «Ныряльщика» Герману Герингу. Через пять лет союзные войска смогли найти только Геринга. Понятно, что помимо темы о «Маленьком ныряльщике» у военного трибунала было еще кое-что, о чем им хотелось бы побеседовать со вторым человеком рейха. По этой причине картина пропала в хаосе человеческого безумия, как и тысячи других рукотворных достояний цивилизации.

Вспомнил Николай Иванович о «Маленьком ныряльщике» лишь в марте этого года. В один из холодных вечеров он, сидя в своем доме у гранитного камина и ощущая своим боком тепло от сгоравших березовых дров, смотрел телевизор и размышлял о том, нападут американцы на Ирак или нет. Ему самому в принципе было все равно, ибо Николай Иванович свято верил в то, что ни один из пяти известных поражающих факторов ядерного взрыва до Тернова не доползет. Между делом, демонстрируя то лицо Буша, слегка искаженное от боли за безопасность США, то покуривающего сигару меланхолика Саддама, телевидение снисходило до того, чтобы вкратце рассказать о том, чем живет земля русская. А земля жила протекающими крышами петербуржцев, разваливающейся в Новосибирске плотиной, очередной контратакой коммунистов на приближающуюся угрозу реформы ЖКХ и всем прочим, что в суммарном значении представляло для России гораздо большую опасность, нежели для Ирака бомбежка Бушем Хусейна. На двадцать восьмой минуте новостей не забыли и «о культуре». Один из руководителей Эрмитажа рассказал о том, как руководство нашей страны, с каждым годом демонстрирующее все большую и большую любовь к Западу, решило безвозмездно подарить Германии двадцать две картины известных мастеров. При упоминании Дега, Рафаэля, Моне, Матисса и Ван Гога у Николая Ивановича заныло сердце. Заныло не от любви к искусству, а от приблизительной стоимости работ, которые упомянул журналист. Все бы ничего, может быть, через час успокоился бы Николай Иванович, почил сном младенца, да только диктор упомянул новость, от которой Пролет слегка протрезвел и его стали обуревать демоны подозрения.

Коллекция из двадцати двух картин известных мастеров, явившаяся миру всего неделю назад, не историческая сенсация, а вполне нормальное для России явление. Всего картин было двадцать три. Их обнаружил русский капитан-интендант, чья часть вошла в Потсдам одной из первых. Во время обычного обыска, который устраивался на предмет обнаружения в домах

недобитых фашиствующих элементов со «шмайссерами» и «фаустпатронами» в руках, им был обнаружен чемодан, приготовленный, по всей видимости, для бегства. Вскрыв тару, капитан по фамилии Медведцев нашел в нем ни много ни мало двадцать три картины известнейших западных живописцев. Ни слова не говоря о находке, он вывез их в Россию и немножко подержал у себя, в частной, так сказать, коллекции. Когда стало понятно, что ни в бывшем СССР, ни в нынешней России состояния этим не нажить, ветеран войны сдал картины государству. Так миру явилась «коллекция Медведцева». А потом диктор рассказал, глядя прямо в глаза Полетаеву, историю, после анализа которой Николай Иванович отодвинул тему Ирака на второй план.

Во время возвращения на родину, уже осенью сорок пятого года, часть Медведцева зашла в Югославию, где находилась приблизительно месяц. В ноябре сорок пятого Медведцев обнаружил, что из двадцати трех картин в его распоряжении оставалось только двадцать две. После расспросов с пристрастием было выяснено, что один из подчиненных Медведцева, гвардии рядовой Волокитин, затосковал в поезде по оставленной в Белграде девушке Снежане, написал ей письмо и отправил ближайшей оказией по адресу. Вся изюминка заключалась в том, что, не найдя в поезде бумаги, он покопался в чемодане интенданта, где всегда можно было найти какой-нибудь чистый бланк. Чистых листов он не нашел, зато обнаружил целую пачку маленьких рисунков капитана. Решив, что так будет даже пикантнее, он выбрал самый, по его мнению, интимный рисунок, на обратной стороне которого и написал возлюбленной Снежане свое письмо. Этот поступок был раскрыт Медведцевым лишь в тот момент, когда состав с техникой его части уже заходил на Белорусский вокзал. Простой поступок влюбленного гвардии рядового Волокитина лишил мир возможности лицезреть творение Гойя, так как теперь можно было быть уверенным в том, что шестьдесят лет назад «Маленьким ныряльщиком» либо растопили югославскую печь, либо уничтожили еще более кощунственным способом. Как бы то ни было, картина пропала, и надежды обнаружить ее в частных коллекциях приравнивались к нулю.

Вот такая душераздирающая история, где переплелись любовь, искусство и война...

Далее пошли новости спорта, но Полетаев их уже не слышал. Всю ночь, терзаемый смутными сомнениями относительно услышанного, Николай Иванович маленькими глотками пил коньяк, ходил с первого этажа на второй, со второго на третий и никак не мог понять, что его могло так встревожить в банальном репортаже последних новостей. Ну, имели картины. Ну, подарили. Козлы, конечно, потому что могли бы и поменять на долги страны. Лично Николай Иванович так бы и сделал. Да заодно еще и поторговался бы, поясняя педантичным немцам, что после такого подарка не мы Германии должны, а она нам. Не много, но должна. Николай Иванович любил, чтобы кто-то постоянно ему был должен мелкие суммы денег. Давать займы крупные опасно – могут не отдать. Сам Николай Иванович, к примеру, никогда не отдавал. А мелкие – от них не обеднеешь и не разбогатеешь. Зато человек, который никак не может вернуть тебе двадцать-тридцать тысяч долларов, никогда не станет разговаривать с тобой через губу или давать отказ на трудновыполнимую просьбу. В доску разобьется, но выполнит.

«Кажется, старею...» – подумал тогда Николай Иванович, усаживаясь в кресло между вторым и третьим этажами. С десяти часов вечера вчерашнего дня и до самого рассвета он намотал по дому добрый десяток километров. Теперь, когда ответ так и не был найден, он подумывал о том, что пятидесятилетний организм начал давать сбои. Десять лет назад... да чего уж там – пять лет назад он, просмотрев новости, спокойно отmaterился бы, назвал бы руководство страны кретинами и спокойно лег бы спать. И не было бы никакой душевной боли по поводу того, что из-за своей непомерной тяги к благотворительности и альтруизма родная страна когда-нибудь продаст последние трусы и пойдет по миру с одним крестом на шее. Однако сейчас, на пороге своего пятидесятилетнего юбилея, Николай Иванович не на шутку разволновался. «Глупость какая, право... Чего это я так расчувствовался?»

Едва он успел задать себе этот вопрос, как сразу, позабыв о душевной боли, разлил на халат коньяк и вскочил из кресла.

– Матерь божья...

Подобрав полы халата, он метнулся в подвал. Именно там, на двери сауны, заключенный в рамку зоновской работы (подарок бывших друзей из колонии) висел рисунок, подаренный по случаю офицером Российской армии. Два года назад, так и не найдя применения ненужному подарку, он отдал картину Усу, своему помощнику, чтобы тот обогатил рамку и обозначил картинкой место, где есть вода, веселье и пар. В городских квартирах с такой целью вывешивают на двери туалета маленького пластмассового мальчугана, писающего в пластмассовый же горшок не по-детски мощной струей, а на двери ванной – того же мальчугана, только в ванне. Подарок офицера был прибит к двери полетаевской сауны.

Стоя перед ним со сбитым дыханием, Николай Иванович дрожащими руками отрывал рамку от двери.

Нет, Пролет не сошел с ума, у него не началась белая горячка после опустошенной бутылки «Камю». Николай Иванович был в своем уме и... И теперь уже в совершенно трезвой памяти. Только теперь, под утро, он вспомнил короткий рассказ того подполковника, с которым самым удивительным образом встретился в ресторане...

Глава 3

Это случилось в мае две тысячи второго года. После удачной сделки с ребятами из Кемерово Николай Иванович Полетаев заехал в ресторан «Глобус», чтобы предаться пьянству и разврату. Было от чего праздновать – сделка гарантировала ему беспрепятственное получение разрешения на отвод земель под строительство в самом Кемерове.

Однако отдохнуть так, как он предполагал, ему не удалось. На второй час «пьянства и разврата» он заметил за одним из столиков до изумления красивую женщину и, как водится в таких случаях, вспылал. Вспылал до того, что совершенно перестал обращать внимание на тот факт, что она сидит за столом не одна, а в компании двоих молодых людей. Охранников Пролет еще час назад отослал домой, и за столом уже два часа «парился» осовелый водитель. По причине того, что пить ему было нельзя, а есть он мог, пользуясь великодушием хозяина, до неприличия много, к тому моменту, как Николай Иванович устремил свой взгляд к соседнему столику, он уже был непомерно тяжел и неподвижен. В таком аморфном состоянии он вряд ли мог бы даже отбиться от пары обессиленных гиен, а о защите чести и достоинства хозяина просто не могло идти речи.

– Я потанцую, – услышал водитель совершенно дикую фразу от своего шефа и стал озираться в поисках той, которая могла бы стать партнером по танго едва держащемуся на ногах Пролету. Когда он засек цель, возбуждающую похоть хозяина, он напрягся, но поздно. Несколько килограммов снеди, погруженных в чрево, заставили его лишь засопеть.

Увидев рядом с женщиной терновского авторитета Шебанина по прозвищу Локомотив, который в компании с женой и несколькими своими людьми спокойно ужинал и пил коньяк, водитель понял, что в данную минуту совершается самая большая ошибка за всю историю России. Локомотив и в трезвом-то виде был страшен, а когда он находился под воздействием винных паров, над тем местом, где он сидел, начинали витать сумасшедшие демоны. Вокруг Локомотива мгновенно начинал ощущаться запах кедровой делянки и аромат сосновых нар. От Шебанина в таких случаях можно было ожидать чего угодно. Складывалось впечатление, что он, вдоволь напившись спиртного, вынимал из кармана Уголовный кодекс, наугад распаховал, тыкал пальцем, читал, а потом, с криком «Ага-а-а!!», торопился выполнить все, что исчерпывающе предусматривали санкции данной статьи.

Поскольку перед Локомотивом стояла уже почти пустая бутылка «Арарата», водитель Николая Ивановича похолодел душой и телом.

Спасение, о необходимости которого Полетаев еще даже не догадывался, предстало в образе какого-то огромного мужика, по всей видимости приехавшего с вахты лесовика. Заметив ту же восхитительную брюнетку, что и Николай Иванович, он оказался проворнее. Этим спас ситуацию и для Полетаева, и для его водителя.

Столик с дамой-вамп находился рядом, поэтому все происходящее Николай Иванович видел и слышал так близко, словно это происходило с ним. С трудом пробравшись между стульями и столиками, лесовик остановился перед женой Локомотива в развязной позе и липким голосом произнес:

– Разрешите пригласить вас на данный танец.

Затем, стараясь быть по-рыцарски учтивым, он развернулся к Локомотиву, который уже производил какие-то манипуляции с аксессуарами столика.

– Надеюсь, вы не против, если ваша дама посвятит этот танец мне?

– Хочешь сделать несколько туров вальса? – последовал ответ, после которого Николай Иванович услышал заглушающий оркестр хруст дерева. – Сейчас потанцуем...

О том, что много пить вредно, Полетаев знал и раньше. Но он всегда полагал, что это изречение относится исключительно к алкоголикам, видящим свою цель в ежедневном уничто-

жении организма спиртным. Николай Иванович даже не догадывался, что эта народная мудрость не работает выборно, что она охватывает своим пониманием всех без исключения...

Протрезвел он быстро. Сразу после того, как второй раз приложился ножкой стола по машинально согнувшейся, после замаха Локомотива, спине лесовика. Когда же он увидел, что двое спутников лесовика, поднявшихся из-за стола на помощь своему другу, рухнули на мраморный пол после ломовых ударов охраны мужика, Полетаев понял, что чудо существует и буквально секунду назад оно спасло ему жизнь. Теперь спасение неудавшегося танцора зависит лишь от того, как быстро он сможет передвигаться в замкнутом пространстве. Замкнутом, потому что входные двери ресторана были закрыты на замок на глазах Полетаева, а открывать их никто не собирался.

Мужик с золотой цепью на шее, к женщине которого так необдуманно обратился северянин, бил последнего ножкой стола везде, где наступал. Через пять минут тот пересек во всех направлениях весь зал и второй этаж по нескольку раз и уже направлялся в техническую зону. Туда, где жарят форель, хранят вчерашние салаты и моют посуду...

– Уходим отсюда, – быстро заявил водитель и на правах телохранителя поволок Николая Ивановича к выходу.

Это движение не ускользнуло от внимания тех, кто совсем недавно повалил на пол двоих огромных мужиков. Один из них, снова встав со стула, резко поднялся.

– Тушкан! – прикрикнула женщина, из-за которой полресторана уже было превращено в руины. – Сядь, успокойся! Как вы меня все задолбали, уроды!..

Несмотря на внезапно возникшую поддержку, Полетаев понял, что это всего лишь эмоции уставшей женщины. Слушать ее никто не собирался, а это означало, что к группе преследования вскоре добавится еще одна. Тот, кого женщина назвала Тушканом, стремительно приближался к нему и водителю.

– Братва, все нормально! – Водитель Николая Ивановича выставил вперед одну руку с раскрытой ладонью. – Нас это не касается, мы уходим.

Но этот Тушкан смотрел не на раскрытую в дружелюбном распятии ладонь, а на вторую руку, которую, по бойцовской привычке, водитель держал около своего подбородка. Такая поза полусогласия – полусопротивления оказала на Тушкана еще более раздражающее действие, нежели просто нападение. Он и еще один громила ринулись на Николая Ивановича и его спутника...

И этот момент станет предтечей того, из-за чего два года спустя Полетаев будет так взволнован, отрывая от двери своей сауны писаную грифелем картину любителя инквизиторских сцен. Картину Гойи...

Из-за столика неподалеку поднялся крепкий мужчина лет сорока. На нем была цветастая толстовка, не свойственная людям бизнеса, и голубые джинсы, качество которых указывало на то, что мужчине не чужды походы в фирменные бутики.

«RIFLE» – сверкнула надпись на накарманном ярлыке, когда он, едва успев встать из-за столика, молниеносно пробил ногой в грудь надоедливому Тушкану. Тушкан захлебнулся вдохом и полетел спиной назад, вдребезги разбивая стоящую на попутных столиках посуду.

– Вот здорово!! – радостно, словно девчонка, которой подарили метровую Барби, взвизгнула спутница того, который в подсобке добивал лесовика ножкой стола.

Полетаев ошалел от неожиданности, а обладатель голубых джинсов мощным толчком толкнул его в грудь в направлении запертых дверей выхода. Увидев падение Тушкана, в направлении Николая Ивановича мгновенно метнулась группа из трех или четырех громил. Их гортанные крики, раздававшиеся громом внутри притихшего ресторана, были направлены в сторону обидчика их друга.

– Вот уроды! – завопила женщина-вамп, и, к своему удивлению, Полетаев понял, что эта характеристика была дана не ему, не мужчине в голубых джинсах, а именно тем, кто так стре-

нительно приближался к месту схватки. То есть собственным охранникам, как теперь догадывался Николай Иванович. – Неужели вы не можете подраться как мужики – один на один?! Вот уроды!..

– Ребята! – попытался остановить их ход неожиданно возникший защитник. – Они вам ничего не сделали и не сказали! Неужели не видно, что этот разбор не для них?

Однако становилось ясно, что останавливать подобным образом людей, чей хозяин палкой забивал человека, пригласившего его жену на танец, невозможно. Николай Иванович понял, что расправы не миновать, и подумал о том, что совершил глупость в тот момент, когда встал из-за стола. Любое движение в зале этот безумный легион воспринимал как вызов.

Видимо, это понял и незнакомец в джинсах.

Резко развернувшись ко входу, он двумя мощными ударами ног вышиб толстое витринное стекло, вправленное в дубовые двери, и пошел навстречу противнику. Последнее, что от него в ресторане услышал Николай Иванович, было: «Убирайтесь отсюда, пока не поздно!» А последнее, что увидел – валяющиеся тарелки с поднятого им над головой стола...

Время, выделенное для «пьянства и разврата», судя по всему, истекло, и Николай Иванович с водителем, забыв, что вместе с незнакомцем их трое, а без них незнакомец остался один, быстро вышли через образовавшийся проем. До «Мерседеса» оставалось метров пятьдесят, и это расстояние Полетаев преодолел, несмотря на хмель, в лучших традициях английского спринта – мощно и быстро. Когда же он повернулся к водителю, который, по его подсчетам, уже должен был открывать дверь, его страх сменился гневом. Его телохранитель, забыв о том, кого охраняет, остановился на полпути и, вынимая из-за пояса «макарова», снова ринулся в ресторан.

– Ты забыл, сука, за охрану кого ты получаешь деньги?! – заревел, задыхаясь от ярости, Полетаев. – Иди сюда, скотина!!

В ресторане раздалось два выстрела. Грохот посуды, треск столов, визги женщин и дребезжание медной тарелки, оторвавшейся от барабанного комплекса...

– Иди сюда!! Заводи эту долбаную тачку!! – орал Полетаев.

Еще мгновение, и в проеме искалеченных дверей показались двое. Напрягая зрение, Пролет молил о том, чтобы это не были люди того сумасшедшего...

Стоящий рядом «Мерседес» пискнул сигнализацией, и Николай Иванович дернулся от страха. Однако ужас мгновенно сменился надеждой, когда в голову пришла мысль о том, что один из тех, кто вышел на морозный воздух из душного ресторана, – его водитель с ключами. Не дожидаясь, пока перед ним по привычке распахнут дверь, Пролет заскочил на заднее сиденье и снова завопил о том, что деньги, которые он выплачивает своему телохранителю, кажется, выплачиваются зря. Еще он кричал о том, что нужно быстрее трогать с места, не дожидаясь того момента, когда до машины добежит мужчина в голубых джинсах. Он кричал своему водителю о том, что сейчас дорога каждая секунда.

– Почему у него твой пистолет?! В кого он стреляет?!

– Он стреляет по всему тому, что дребезжит и громыкает, – переводя дух, спокойно объяснял водитель. – И делает это профессионально.

– Трогай, урод!! Уезжай отсюда, каждая секунда на вес золота!!

Но у телохранителя, судя по всему, были свои мерки, которыми он определял стоимость настоящего мгновения, потому что он рванул машину только после того, как мужчина в джинсах добежал до «Мерседеса» и рухнул на переднее сиденье. Машина взяла с места так круто, что некоторое время они ехали с открытой дверью. Лишь на третьем или четвертом вираже незнакомцу удалось дотянуться до ручки и захлопнуть створку.

В салоне мгновенно наступила тишина, которую тревожило лишь тяжелое дыхание их спасителя. Ситуация приходила в норму, нервы расслаблялись, и настал момент, когда Николай Иванович даже почувствовал легкие уколы совести за свое малодушие. Как бы то ни было,

телохранителя он решил уволить сразу после того, как тот заведет «Мерседес» в гараж во дворе его дома. Не было сомнения и в том, что человек, только что спасший им если не жизнь, то здоровье, достоин того, чтобы с ним хотя бы заговорили.

Однако первым заговорил именно тот.

– У вас веселая жизнь, – бросил незнакомец, пытаясь оценить ущерб одежде, нанесенный в ходе стычки. – Двадцать лет назад в терновских ресторанах, если мне не изменяет память, к предложению потанцевать относились несколько сдержаннее. Ну, в крайнем случае, выходили на улицу. А сейчас зайдешь в кабак просадить последние сто долларов и покидаешь его, залитый с ног до головы вином, котлетным соусом и адреналином. Самое главное, ни за что... Если вас не затруднит, довезите меня до улицы Терешковой. Моя куртка, как, впрочем, и сумка с вещами, осталась в гардеробе того чудного заведения.

– Конечно, – наконец-то раскрыл рот Николай Иванович. – Простите, что до сих пор не поблагодарил вас за свое спасение. Вы не знаете, что это были за люди?

Мужчина усмехнулся:

– Это я вас должен был спросить! Кажется, вы здесь живете. А меня не было в Тернове... – Он попросил сигарету у водителя. – Меня тут не было двадцать лет. Черт, сейчас нужно переодеться и опять возвращаться. В сумке документы, вещи... Дурдом, а не Россия... Как не умели пить, так и не научились.

– Вы приехали из-за рубежа? – заключил из услышанного Пролет. – Интересно услышать о причине, которая заставила вас двадцать лет отсутствовать на родине...

– А я разве говорил, что был за рубежом двадцать лет? – Мужчина повернул лицо к Полетаеву. – Я сказал, что приехал из-за рубежа и что не был двадцать лет в Тернове, однако из этого не следует, что я все двадцать лет находился за границей.

Николай Иванович не мог себе представить, что по городу пойдут слухи о том, что он оказался неблагодарным человеком. Но нет сомнений в том, что эти слухи расползутся сразу же, едва уволенный водитель окажется за забором его дома. В Тернове станут поговаривать, что, во-первых, Полетаев струсил, во-вторых, бросил на произвол судьбы человека, спасшего его в опасной ситуации, и, в-третьих, оказался неспособным отблагодарить своего спасителя. Вот что разболтает водитель-телохранитель уже через час после того, как получит расчет.

– Знаете, о чем я подумал... – бросил Николай Иванович, рассматривая лицо спасителя в панораму широкого зеркала заднего вида. – Я подумал о том, что человек, через двадцать лет скитаний приехавший в Тернов и первым делом зашедший в ресторан, не имеет в своем родном городе дома. А адрес на улице Терешковой – лишь воспоминание о том, что там может проживать старый знакомый, который в состоянии предоставить страннику приют. Я прав?

Взгляд Полетаева встретился со взглядом незнакомца в центре зеркала.

– Где был ваш светлый разум, когда вы пытались охмурить подружку какого-то местного авторитета?

Несмотря на неудобство, которое испытал Николай Иванович от понимания того, что этот странный мужчина заметил то, что не заметил никто из присутствующих в ресторане, он испытал удовлетворение от другого. От осознания того, что на этот раз логика его не подвела.

– Так я прав в своих рассуждениях? – настаивал Полетаев, хотя сейчас ему ответ даже не требовался. Он понимал, что угадал.

– Правы, правы... – поморщился мужчина, трогая кончиками пальцев скулу. Судя по его осторожным движениям, кто-то из ресторанных бойцов все-таки успел до него дотянуться. – Я зашел на часок в ресторан, чтобы подумать, куда идти дальше, расслабиться и немного отдохнуть от перестука вагонных колес... Расслабился до предела. После второй рюмки «смирновки» остался без вещей и документов. Одна радость – последние сто долларов по-прежнему при мне.

Полетаев принял решение.

– Значит, так. Сейчас мы едем ко мне. Можете жить у меня столько, сколько пожелаете. Комната свободная у меня есть, и даже не одна, так что сможете выбрать по своему усмотрению. Вашу сумку через час привезут мои люди. Что я вам советую сделать в первую очередь, так это посетить мою сауну и как следует выпариться. По-нашему, по-русски. А потом мы с вами поужинаем, и вы сможете отдохнуть. Я ваш должник.

На этот раз Николай Иванович встретился в зеркале со взглядом водителя.

«Ну, сволочь, до дома только доедем... – пронеслось в голове строителя. – Там я тебя быстро научу работу любить. Мои харчи по сравнению с завтрашней работой охранника магазина за пять тысяч деревянных покажутся тебе раем господним».

– То есть мне не нужно сейчас, умывшись, возвращаться за сумкой? – уточнил мужчина.

– Верно.

– И ваша жена не выскажет вам за то, что вы привели в свой дом первого встречного, который, вполне возможно, может оказаться проходимцем?

– У меня нет жены. Это так же точно, как и нет такой женщины, которой нельзя было бы заткнуть рот.

Мужчина вздохнул:

– И у вас есть стиральная машина, чтобы можно было отстирать мою одежду от соуса и бордо, а также лед, чтобы приложить к ране?

– Лед ждет вас в бочонке, в котором остужается шампанское. Ожидая следующего вопроса, позволю себе заметить, что вы немного капризничаете.

Незнакомец снова посмотрел в зеркало. Теперь его взгляд был легок и весел.

– Ну, поскольку я уже имел возможность убедиться в том, что для более тесного общения вы предпочитаете женщин, уверен, что мое пребывание в вашем доме мне ничем не грозит. – Он не выдержал и коротко фыркнул: – В любом случае я не собираюсь задерживаться у вас более чем на день. – Помолчав, он, на этот раз уже серьезно, добавил: – Спасибо за заботу.

– Ну что вы... – покривился, обнажив два рядка хищных зубов, Николай Иванович. – Вы сделали для меня гораздо больше.

Остаток пути до дома они молчали.

Через четверть часа, когда спаситель сидел в великолепной, украшенной деревянной резьбой, сауне хозяина, в кабинете Николая Ивановича раздался телефонный звонок. Полетаев незамедлительно снял трубку.

– Да!

– Иваныч, – раздался голос помощника Полетаева, – я его сумку забрал, сейчас возвращаюсь в дом.

– Что внутри? – Полетаев чувствовал, что его распирает любопытство. Копаться в сумках людей, как и в их душах, Николай Иванович любил всегда, как только к этому располагали обстоятельства.

На том конце связи раздался тяжкий вздох.

– Свитер, две пары трусов, три пары носков, записная книжка и какая-то картинка в дешевой деревянной рамке. Карандашная мазня. Толстый маленький недоносок стоит на берегу какой-то лужи и строит рожу, как будто ему в спину воткнули вилы. Улыбается, как я догадываюсь.

– Это все, Ус? – слыша, как на первом этаже ходит, в поисках хозяина дома, вышедший из сауны гость, поторопил Пролет.

– Нет, не все. Паспорт на имя Хорошева Валентина Матвеевича, шестьдесят третьего года рождения, выданный три месяца назад в Орле, и четыре удостоверения, подтверждающие, что этот Хорошев имеет орден Мужества, медали «За боевые заслуги» и «Отвагу», а также какую-то висюльку со знаком НАТО. Красивая медалька такая, с синей ленточкой...

Полетаев сдержал эмоции. После доклада Усова становилось совершенно непонятно, что за птица залетела в его дом.

– Уложи все, как было, и приезжай.

Через полчаса, когда сумка была в руках странного гостя, Николай Иванович пригласил его за стол, богато украшенный легкими закусками и дорогим спиртным.

Полетаев наблюдал, как ловко управляется мужчина с панцирем лобстера. В кармане его джинсов лежало все его богатство – две смятые пятидесятидолларовые купюры. В России редко встретишь затертые, согнутые в четырех местах валютные дензнаки. Их берегут, как свидетельства о рождении, как школьные аттестаты, выделяя им места получше и оберегая так, как не оберегают самих себя. В таком виде держать валюту может лишь человек, который действительно провел некоторое время за границей. Для него это не валюта, для него эти две бумажки – деньги. Как рубли для любого, кто ходит по улицам Тернова. Человек давал себе отчет в том, что эти доллары не мечта о светлом будущем, хранимая и обожаемая, а средство, за счет которого можно питаться и жить. Его гость на самом деле жил за границей, а свежую печать УВД Орла в паспорте можно расценивать лишь как дату прибытия в Россию.

– Итак, может быть, познакомимся?

– Меня зовут Валентином Матвеевичем, а фамилия моя Хорошев. – Протянув руку, он закрыл ладонью широкий ворот бокала. – Вы уж простите, я не пью ни шампанского, ни коньяка. От первого меня пучит, а от второго кровь приливает к лицу, и я тяжелею.

– А меня зовут Николаем Ивановичем Полетаевым. – Поставив бутылку на стол, он прилег на него грудью. – А что же вам нравится?

– Все, что мне нравится, либо аморально, либо противозаконно, либо я от этого полнею. А пью я водку, только водку и ничего, кроме водки. Желательно русскую, но изготовленную за рубежом. Я не слишком капризен?

– Что вы... Ус! Петя, у меня в погребеке где-то была бутылка водки шведской. – Он снова повернулся к гостю: – Вам в рюмку какого диаметра налить?

– Вот видите... – расстроился гость. – Вы занервничали. А я на самом деле не пью ничего, что произведено в России. Теперь, кажется, придется привыкать.

– Ничего, – успокоил его Полетаев. – Это пройдет очень быстро. Раз уж мы разговорились – кто вы и откуда? Если, конечно, не секрет.

– Не секрет. Еще три месяца назад я был полон этих секретов, а нынче не могу представить ничего того, о чем не смог бы поговорить за столом. Я бывший офицер Вооруженных сил России, заместитель командира того самого десантного батальона, который вошел на приштинский аэропорт раньше сил НАТО. Правда, тогда я еще не был подполковником...

Полетаев улыбнулся:

– Так вы из тех, кто любит «кидать»? Помню этот забавный случай, через неделю после которого министр иностранных дел на вопрос закордонных журналистов «Как долго русские войска будут стоять в Приштине?» ответил: «Наши войска в Косово?!!» Помню, Валентин Матвеевич...

Разговор затянулся до трех часов ночи. Ни один из них не радовал собеседника интересными, тем более откровенными историями, поэтому без четверти три было решено отправляться на покой. О Хорошеве Полетаев узнал лишь то, что тот уволился из армии на пенсию по выслуге лет и сейчас собирается начать новую жизнь в Тернове. Семья была, но распалась уже через полгода после того, как офицер уехал на Балканы. Из средств к существованию – сотня долларов, подкрепляемая безрассудной уверенностью в том, что сорок лет – как раз тот возраст, когда можно удивить своим появлением мир.

– Послушайте, Хорошев... Я не хочу вас обидеть, так же как не хочу остаться неблагодарным. Я прекрасно понимаю, что вы нуждаетесь, и уверен в том, что вчерашним вечером спасли мое здоровье. Я не могу предложить вам большего, но эти пять тысяч долларов... –

Николай Иванович запустил руку в халат и вынул плотную банковскую упаковку. – Давайте договоримся так... Я даю вам займы, а вы отдадите тогда, когда сочтете возможным отдать. В любом случае, я ни разу не напомню вам о них, даже тогда, когда вы подниметесь и завоюете весь мир. Это хорошее предложение?

Хорошев задумался. Деньги он не взял бы в том случае, если бы они предназначались в качестве оплаты за услуги. Но взять в долг... Не этот ли план стоял в его голове там, в ресторане, когда он собирался идти к школьному другу Владимирову за помощью? Ведь целью похода к нему была именно задача взять у внезапно разбогатевшего однокашника в долг. Сейчас задача была выполнена, говоря военным языком, без потерь, раньше намеченного срока.

– Я согласен, – ответил Хорошев. – Только... У нас, военных, как у индейцев, есть старая традиция. – Он водрузил на стол сумку. – Если тебе что-то дают на память, отдай что-нибудь свое. Дача в долг – это не что иное, как предмет на память, ибо о долгах нужно помнить всегда. А мой ответ будет таким...

Вынув из сумки маленькую невзрачную картину, он протянул ее Полетаеву.

– Это я... Как бы вам сказать... Взял в доме одного серба. Дом парня разгромили албанцы, а картинка на стене осталась. Вот такой смешной малыш, на бережке моря... Больше у меня ничего нет, Полетаев.

Не желая огорчать гостя, Николай Иванович умилился славному мальчугану на тонком холсте и пообещал повесить картинку у себя в спальне.

Сразу поутру, после того как Валентин Хорошев, бывший офицер-десантник, спасший ему жизнь, покинул его дом, Николай Иванович вызвал к себе Уса, велел заменить на картинке рамку на более приличную и повесить на дверь сауны. С паршивой овцы хоть шерсти клок...

Глава 4

Оторвав рамку с веселым карапузом, Полетаев понес ее наверх. Со стороны это напоминало крестный ход, и импровизированный батюшка в лице Николая Ивановича несколько раз споткнулся. Всему виной было то, что он смотрел не себе под ноги, а на пожелтевший рисунок, заключенный под стекло.

Отрывать рамку он не торопился. Положил рисунок на стол, приглушил звук продолжающего работать телевизора и направился к бару. Не торопясь распахнул его, выбрал из стоящих внутри бутылок одну, более подходящую – поллитровую «фляжку» «J&V», прихватил стакан и вернулся к столу.

– Снежана... Какое красивое имя, – пробормотал он, слушая бульканье ароматного напитка, вливающегося в стакан.

Из-за того, что он думал не о виски, а о предмете, лежащем на столе, он наполнил стакан до краев и приложился к нему, как к минералке на пляже. Когда виски в стакане оставалось на палец, он оторвался. На лице Николая Ивановича не было ни тени подозрения на то, что он только что проглотил двести граммов сорокаградусного спиртного.

– Для коровы, – продолжил он свою мысль.

Полетаев положил обе руки на стол и стал барабанить по столешнице пальцами, размышляя о том, что ничего страшного не будет в том, что никаких каракуль на обратной стороне рисунка он не обнаружит. Жил ведь он все это время без таких проблем? Жил. И еще как жил! Так что ничего страшного... Он даже не разочаруется, если...

– Посмеюсь, да и только... – бормотал Николай Иванович, аккуратно поддевая рамку ножом для резки бумаг. – В сауне висел, хулиган... Ай, хулиган... Что ж ты в одних трусишках, да на ветру?.. И куда мамка твоя двести пятьдесят лет назад смотрела?..

В любом другом случае Пролет снял бы рамку и вынул рисунок за две минуты. Теперь же, когда есть надежда на то, что сам рисунок стоит больше, чем три пачки чая, которые он отдал на зону за изготовление рамки, он думал только о том, как бы случайно не царапнуть потемневшую и отвердевшую бумагу. Деревянный багет был безжалостно изуродован и расщеплен, от былой красоты рамки не осталось и следа, еще секунда и... И все лишнее, включая стекло, упало на пол. Расколовшись пополам, оно разлетелось в разные стороны. Николай Иванович еще некоторое время рассматривал мальчишку, а потом уверенным движением перевернул лист.

– Мать моя... – снова, как сомнамбула, повторил он.

Рукой, внезапно пораженной тремором, он дотянулся до ящика стола и вынул из него футляр с очками. Еще секунда, и линзы разместились на носу Полетаева.

– Мать моя...

«С гвардейским приветом шлю свое письмо тебе, моя дорогая сердцу Снежана! Наш состав стоит на станции близ моста через Дунай. Из-за ремонта моста мы пробудем тут сутки, после чего окажемся в Румынии. После чего пройдет месяц, и я прибуду в Москву. Я сделаю все, моя милая Снежана, как мы и договаривались. Там, в сарае дядьки Зорвана, где ночью пахнет сеном. Не пройдет и года, как мы снова окажемся вместе. На том свое письмо заканчиваю и с нетерпением жду наступления нового, 1946 года. (Посмотри, какого я тебе смешного мальчишку нарисовал! Наш первый сын будет похож на него.) Твой гвардии рядовой Мартын Волокитин. 5 сентября 1945 г.»

Кашлянув, Полетаев выронил рисунок. Снова кашлянул. Потом закашлялся. Поняв, что начинается приступ, он быстро наполнил стакан виски, дождался, когда минует очередной спазм, и залпом выпил едкую жидкость цвета слабо заваренного чая.

– Интересно, о чем это они договаривались в сарае дядьки Зорвана?.. – едва слышно пробормотал он и пожевал губами.

Николай Иванович откинулся на спинку кресла и почувствовал легкое головокружение. Последствия выпитого виски. Виски, и ничего более. Голова от счастья, бывает, кружится, но не так глубоко при этом разливается по телу тепло.

– Это не климакс, – заключил, улыбнувшись, Полетаев. – Это «Маленький ныряльщик». Два года висеть на двери сауны и веселить всякий сброд... Нет, Россия – это самый большой дурдом из всех ныне действующих. Два года у меня в подвале, рядом с сортиром, висел Гойя, конец восемнадцатого века, а я ходил мимо него в одних трусах с пивом в руке! Мама миа, неужели я настолько зажрался, что вывешиваю Гойю на входе в собственную баню?!!

Вдруг побелев лицом, Николай Иванович схватил листок и подтянул его к себе. Как этот гвардии Волокитин мог испохабить работу великого мастера?! Работу, цена которой три миллиона долларов?! А если поторговаться...

Воровато оглянувшись, словно рядом с чужими пальто в школьной раздевалке, Полетаев нырнул рукой в ящик и вынул ластик.

– И как рука поднялась?.. Изувер...

Однако едва резинка коснулась бумаги, он отдернул ее, словно прикоснулся к расплавленному свинцу.

– Что я делаю, идиот?! Это же доказательство того, что картина настоящая! Это гарантия цены картины!! Мать моя, я не только имею картину, я имею еще и доказательство того, что она – работа Гойи!..

Вдруг на его лицо легла печать тревоги.

А вдруг это «липа»? «Маленький ныряльщик», он, может быть, и есть на самом деле, но кто даст гарантию, что это тот самый «ныряльщик»? Может, и письмо гвардии рядового – подлинное, но кто сказал, что он написал его на работе Гойи?! Кто даст гарантию того, что эта картина, привезенная Хорошевым из Югославии, подлинник, а не копия? Вполне возможно, что кто-нибудь в той Сербии, узнав в малыше на рисунке три миллиона долларов, сделал полную копию, заменив подлинник на стене сербской халупы самой настоящей подделкой!

Немного остыв, Полетаев понял, что в своей подозрительности он переходит все мыслимые и немыслимые границы. Кому может понадобиться такая манипуляция, как подделывание подлинника, если есть сам подлинник, вывезти который из страны, пораженной войной, не представляет никакой проблемы? Лучшее подтверждение правоты такой мысли – капитан Медведцев, который, ничего не подделывая, взял и вывез домашнюю коллекцию Геринга паровозом в Россию!

Однако семя сомнения, брошенное в ошастливленную душу, уже дало росток. Недавно в Америке задержали шулера, который продал две сотни документов девятнадцатого века на общую сумму пять «лимонов» баксов. Если бы не пожадничал и не продал в разные коллекции американских толстосумов два одинаковых подлинника «Декларации независимости», то сбывал бы эти подлинники до конца жизни. До чего людей жадность доводит. До абсурда. А как у него все хорошо шло! Эксперты корячатся над микроскопами и химикалиями, выясняют, недоумки, подлинность документа. В итоге делают заключение – все путем. В смысле, все натуральное. Бумага середины девятнадцатого столетия, чернила старые, коими пользовались в то время. А подлинника «Декларации независимости» – два. Ну, не маразм ли? Один и тот же, писанный одной рукой в одно время. Может, у автора склероз был, он написал одну Декларацию вечером, потом забыл да поутру вторую накропал? Ан нет, заявляет исторический музей. Подлинник у нас, то есть уже третий по счету. Опять проверяют – все бьет. Хоть стреляйся. То ли эксперты неграмотные, то ли в глазах у всех троится. Слава богу, выяснилось. Их изобретатель приходил в библиотеку, в читальный зал по-нашему, брал книги середины девятнадцатого столетия и вырывал у них промежуточные заглавные листы. Те, которые во

всех книгах чистые, те, что между переплетом и первым листом. Потом бадяжил чернила по рецепту девятнадцатого века и писал Декларации, черновики Линкольна, любовные письма Гранта, личные карточки больного Вашингтона... Фантазии, слава богу, у парня хватало.

Может, и с «Ныряльщиком» такая же беда?

Спать Полетаеву уже не хотелось. Как тут сомкнешь глаза, если перед тобой, на столе, лежит картина старинного испанского мастера. Завтрашний день обещал быть напряженным, полным поисков и размышлений. Такие парни, как Гойя, ценны не тогда, когда висят на двери твоей бани, а когда выступают в качестве лота на ближайшем аукционе Сотби. Кажется, речь шла о трех миллионах?

Через неделю апрель вступал в свои права...

Едва дождавшись утра, Полетаев кликнул Уса, который этой ночью ночевал в его доме, в комнате для гостей, и велел готовить к выезду машину. К этому Усов был готов еще час назад, когда услышал решительный топот ног на втором этаже. Нельзя сказать, что к своему боссу он относился с трепетом и любовью, однако свои обязанности управляющего делами исполнял безукоризненно и в срок. Его нельзя было упрекнуть ни в недостаточном руководстве работниками, а их в доме было четверо – повариха, водитель, смотритель за гаражом и техникой, а также уборщица, ни в чрезмерном употреблении спиртного, ни в лени. Бывший спортсмен, чья энергия не успела израсходоваться, работал за деньги, причем за крупные деньги, и одно это заставляло его оставаться верным тому, кто их ему платил. Исторически сложилось так, что, если ты работаешь у известного афериста, кидалы и шулера, строящего свой бизнес на принципе «успей вперед, пока не успели тебя», рано или поздно приходится уходить, оставляя позади себя все перспективы дальнейшей счастливой жизни. Именно по этой причине самый неверный штат служащих – у мошенников. Все то время, пока они служат хозяину, они посвящают собственному тайному обогащению, не упуская ни малейшей возможности залезть боссу в карман.

Ус отсидел по глупости, и, как водится в таких случаях, после чрезмерного употребления горячительных напитков. На автобусной остановке, где он стоял вместе со своей девушкой после просмотра «Гладиатора», скопилось много народа. Весь фильм Петя пил пиво, а поскольку он длился довольно долго, в тот вечер он выпил около трех литров. Настроение было замечательное, вечерний ветерок, трепавший волосы на голове любимой, был свеж и пах ее шампунем...

Одним словом, все было хорошо до тех пор, пока один из бывших зрителей не толкнул подругу Усова, не забыв при этом выразиться вслух. Петр сам не помнил, как это случилось, и пришел в себя только тогда, когда после его удара обидчик рухнул. Свидетелей – хоть отбавляй, ущерб здоровью – налицо, и при этом никто, в том числе пассия Петра, не мог потом вспомнить тот момент, когда потерпевший толкнул ее локтем, сопровождая это действие площадной бранью. Приехавший на место происшествия патруль зарегистрировал причинение вреда здоровью потерпевшего и алкогольное опьянение у подозреваемого. Очень часто налицо последнего играет в нашей структуре отправления правосудия решающую роль. Тридцатилетний дилер сетевого бизнеса, которого угораздило попасть на один сеанс вместе с Усовым, два месяца не выходил из травматологического отделения Терновской городской больницы. На последнем судебном процессе Усова отправили на два года лечить нервы в колонию общего режима, испортив ему таким образом личную жизнь – во-первых, а во-вторых, карьере мастера спорта международного класса. Когда он освободился, байдарки тех, с кем он махал веслами два года назад, уже скрылись за горизонтом. Полетаев Усову пропасть не дал. Петр сменил удобные спортивные костюмы и кроссовки на совершенно идиотские строгие костюмы с галстуками и тесные модельные туфли. Так велел одеваться Полетаев. Однажды Ус решил слу-

кавить, сэкономить средства, выделенные для покупки итальянского костюма, и заплатился премиальными.

– Если мой управляющий будет ходить в костюме пошива фабрики «Северяночка», то ни один уважающий себя человек не подойдет ко мне на пушечный выстрел. Во что ты обновился, ущербный?! Это униформа заместителя директора шарикоподшипникового завода по сбыту готовой продукции!

Следующий костюм оливкового цвета пришлось приобретать в магазине мужской одежды «Прет-а-порте». Ус тогда прикинул, что за сумму, эквивалентную стоимости трех таких костюмов, можно было без особого труда прикупить на Терновском автомобильном рынке слегка подержанную «шестерку».

– Поэтому такие, как ты, и шарахаются по рынкам, рэкетирова старух, торгующих семечками. У вас весь капитал измеряется не курсом рубля по отношению к доллару, а отношением стоимости штанов к подержанным «Жигулям». Учись мыслить продуктивно, Петя, иначе долго у меня не удержишься.

Ус этот урок усвоил и больше ошибок подобного рода не допускал. Сказали в магазине водки купить – пусть это будет самая дорогая водка, велели «BMW» присмотреть – это должен быть «BMW» две тысячи третьего года. Желательно мартовский. Неделю назад с конвейера сошел, а вчера уже пригнали.

Два года назад Николай Иванович уволил своего водителя-телохранителя. Всех тонкостей этого момента Петр не знал, да и не хотел знать. Кажется, все случилось в тот вечер, когда он отправил из ресторана свою охрану и после этого не совсем разумного решения едва сумел избежать неприятностей. Как догадался Ус из случайно слышанного разговора, ситуацию «выпрямил» бывший вояка, за сумкой которого его послал в ресторан Полетаев. С того самого вечера Петр надзирал за домом и выполнял обязанности «бодигарда». Работы по последнему направлению обязанностей становилось больше тогда, когда Николай Иванович принимал активное участие в бизнесе. Тогда для Усова только и была работа, как убереечь хозяина от заслуженного возмездия. Когда же Полетаев находился в тени, уезжал на озеро Белое или за границу, Ус откровенно бездельничал. Но вот опять Полетаев принимался за бизнес, и в первый же день его активной деятельности находилось минимум пятеро, кто горел страстным желанием разбить ему морду. Ус работал у Полетаева уже год, но так и не мог понять до конца, чем занимается его хозяин. Формально Николай Иванович возглавлял огромный коллектив строителей, архитекторов, прорабов и проектировщиков, на деле же выходило, что в основном трудились не они, а донельзя раздутый юридический отдел его фирмы. Девочки, коих в отделе находилось не менее восьми, занимались исключительно тем, что отстаивали интересы Полетаева в суде, на гражданских процессах. Первое время Ус пытался выяснить масштабы того, за что могут бить морду и жаловаться в суд, но вскоре понял, что это бесполезно. Хоть Полетаев и отсидел пятерик за мошенничество, его умение «заводить рака за камень» и «выводить гусей на прогулку» от такой «учебы» только окрепло. И потом, зачем пытаться вникнуть в то, за что тебе не платят? Гораздо лучше исполнять свои обязанности и не вызывать раздражение хозяина.

Поэтому, услышав в половине восьмого утра решительную поступь на втором этаже, Ус понял, что скоро его вызовут. Спустившись в кухню и прихватив с тарелки хозяина горячий тост, получив за это по руке от поварахи, он усмехнулся и вышел на улицу. Смотритель гаража тоже был на ногах и протирает красавец-«пятисотый» бархатной тряпкой.

– Ты чем вчера крыло царапнул? – катая во рту горячие крошки, справился Ус у мужика.

– Чем это я мог царапнуть? – возмутился тот. – Ты едешь, а меня о царапинах спрашиваешь!

– Ты мне пургу не гони. Я что, не знаю, где царапаю машину, а где ее царапает другой? Канистру бензина в гараже заливал?

– Ну.

– Загну! Я тебе говорил, чтобы ты перед заправкой тачку из гаража выгонял?! В гараже расстояние от бензобака до стены – полметра! Канистру задирали и поцарапали крыло! Или тебя носом в царапину ткнуть?

Смотритель промолчал. Во-первых, ему было доподлинно известно, что царапину сделал он, заливая в бензобак «Мерседеса» канистру бензина, и, во-вторых, Ус на самом деле мог ткнуть носом.

– Еще раз увижу, что машину моешь или заправляешь, не выгоняя на улицу, уши надеру.

Обещание выглядело комично. Кому не хочется посмотреть, как двадцатидевятилетний парень будет крутить уши сорокалетнему мужику?

Полетаев вышел, как и обещал – без десяти минут десять.

– Куда, Иваныч? – спросил Ус, отводя назад ручку коробки-«автомата».

– В музей живописи... Чего уставился?

– Куда??

– В музей, Петя, в музей... Пора и о душе позаботиться.

Выводя «Мерседес» из гаража, Ус подумал о том, что бессонные ночи на хозяина действуют не самым лучшим образом.

Со стороны на них было приятно смотреть. Двое элегантно одетых мужчин в великолепной иномарке подъехали к городскому музею, степенно вышли и направились к входу. «Выставка Рериха. Реальные мотивы природы в теме Тибета», – гласила надпись на афише перед крыльцом.

– Я что-то не понял, – приглушая свой бас, отметил Ус. – Рерих же, типа, пианист?

– А с Рихтером ты его, часом, не спутал?

Пока он бродил по залам, рассматривая пейзажи мастера, Николай Иванович уединился с директором в его кабинете.

– Понимаете, меня крайне интересует живопись Гойи, – сообщил Полетаев, закидывая ногу на ногу и демонстрируя служителю храма искусств безупречную подошву новой туфли. – Вчера дочитал Фейхтвангера с его жизнеописанием мастера. Великая вещь. Вам не кажется?

Если зайти в сапожную мастерскую и заговорить с сапожником о супинаторе, если с музыкантом заговорить о фугах Баха, а с офтальмологом о бельме, то в окончании разговора на заданную тему вы можете узнать все и на другие темы, волнующие вас. Никогда мошенник Полетаев не получил бы ответы на свои вопросы, войди он сейчас к директору музея и ударь того прямо в лоб – «А как отличить липового Гойю от настоящего»? В лучшем случае старик прикинулся бы придурком, в худшем – из музея Николая Ивановича выводил бы уже не Ус, а конвой. Блесна, запущенная Полетаевым, сверкнула в воздухе золотыми гранями, свистнула и шлепнулась в глубину души искусствоведа.

– Гойя... – вытянув вперед подбородок, протянул тот. Его лучезарный взгляд поднялся к потолку и стал насыщенно голубым. – Гойя... Сын своего времени, он нес в себе и его предрасудки... Темная, унылая и жестокая жизнь, освещаемая огнями аутодафе... Тысячи горящих костров инквизиции... Равнодушие к человеческим страданиям и болям... Все это отпечаталось в душе великого мастера, поселив внутри нее странные видения, дисгармоничные, жуткие образы... Мастер избавлялся от них при помощи великой, всепоглощающей силы искусства. Он обличал общественную безнравственность, открывал свое сердце гуманности и добру... Любя человека, Гойя приходит к познанию высшей мудрости – изменить мир можно лишь в том случае, если зажечь в сердцах сограждан любовь к добру и человечности... Потолок совсем рушится, штукатурка так и сыплется на втором этаже.

– Какой потолок?... – обалдело просипел Николай Иванович.

– На втором этаже. В бюджет города, понимаете ли, средств на развитие музеев... – старик щелкнул языком, – не заложено. Вот если бы малую толику... Где-нибудь...

– Понимаю, – среагировал Полетаев. – Рамы изнашивались, сторожа морально устарели... А где их найдешь, молодых, за тысячу двести в месяц, правда? – Рассмеявшись, он вынул из кармана пластиковую карточку и придвинул ее к собеседнику. – Расскажите мне о «Маленьком ныряльщике».

Теперь, когда Николай Иванович понял, что ффраерит не он, а ффраерят его, можно было действовать почти открыто. Видя, как голубые глаза директора, прочитавшего на карточке «VISA», стали почти синими, он догадался, что теперь можно действовать напрямую.

Старик посмотрел на гостя поверх очков и задумался.

– «Маленький ныряльщик»... Он был подарен Кейтелем Герингу, кажется, в начале сороковых и висел на вилле шефа авиации рейха до того момента, когда Советская армия вошла в Потсдам. Потом «Ныряльщик» вместе с еще двадцатью работами Дега, Рембрандта, Моне и других мастеров покинул Германию в чемодане капитана Медведцева. Вы разве не слышали эту историю по телевидению?

– Меня интересуют подробности написания этой работы и ее приблизительная стоимость, – отрезал Пролет. – Одним словом, то, о чем не говорят на упомянутом вами телевидении.

Старик пожевал губами.

– Интересную задачу вы передо мной ставите... Ну да ладно. – Он уже играл карточкой на столе, как кот с мышкой. – Стоимость «Ныряльщика» может колебаться в пределах от трех до четырех с половиной миллионов долларов. Поскольку она считается почти потерянной для цивилизации, ее появление может резко поднять цену. Хотя по этой же причине может цену и опустить. В любом случае, молодой человек... – Директор сначала хотел посмотреть в глаза гостю, но потом не выдержал, сорвал с его лица свой взгляд и увел его в глубину кабинета. – В любом случае, я думаю, менее четырех миллионов долларов «Ныряльщик» стоить не будет.

– Зная это, любой аферист может картину продублировать, – предположил Николай Иванович. – Слишком велика цена успеха, правда?

Старик ухмыльнулся и наконец-то спрятал карточку в карман.

– Где ваша логика, уважаемый? Картина была передана Герингу в начале сороковых. До сих пор никто толком не знает, как она выглядит и что на ней изображено. Есть лишь фотографии конца тридцатых, но по фотографиям того времени копию не исполнить. И если этой копии до сих пор не существует в природе, то ее нет вообще. Есть только подлинник. Если он, конечно, пережил войну в Югославии. Однако многие мои коллеги сходятся во мнении, что «Ныряльщик» утерян безвозвратно.

«Черта с два он утерян!!!» – хотелось завопить Полетаеву, однако он лишь покачал головой. Он понял, что в его кровь проник вирус, который носят в себе все коллекционеры безумно дорогих полотен. Незаконно скупая бесценные произведения мастеров, они клянутся самим себе, что любоваться на них смогут лишь они. Какой смысл раскрываться, если сразу после разглашения этой тайны последует возмездие? Однако проходит некоторое время, и им хочется, чтобы о том, что именно он владеет бесценным достоянием, узнали все. И эта болезнь настолько злокачественна, что часто берет верх над разумом. Картина является свету, после чего следует ее немедленная конфискация или покупка государством. Картина уходит из частной коллекции, и в этот момент коллекционер чувствует, что ему стало легче.

Полетаев выяснил все, что хотел. Если бы он напряг мозги этой ночью, то не было бы необходимости ехать к этому старику и платить ему сто долларов. Николай Иванович улыбнулся старичку и вышел из музея. Следом за ним, качая заболевшей после просмотра «реальной живописи» головой, спустился Ус.

Глава 5

Июнь 2003 года...

Встретиться с Пашенко Антон смог только через два дня после убийства в гостинице «Альбатрос». Они перезванивались, но найти время для встречи было трудно. Струге готовился уйти в отпуск, поэтому все свободное время посвящал тому, чтобы хотя бы немного разобрать дела.

Между тем председатель Центрального суда Виктор Аркадьевич Николаев, разбирая бумаги, обнаружил, что миновало уже три месяца с той поры, когда он должен был написать и отправить в квалификационную коллегия судей представление на присвоение Струге очередного, третьего классного чина.

Изучая дело Струге, он еще полгода назад различил в нем одну интересную особенность. И пятый, и четвертый классные чины присваивались Антону Павловичу с задержкой в пять и в семь месяцев соответственно. Причина такой безответственности областного суда ему была известна. Вот уже девять лет, как со Струге, судьей, постоянно нарывающимся на неприятности и работающим в неприкрытом противодействии методу разбора индивидуумов на «своих» и «чужих», боролся не кто-то, а сам председатель областного суда. Николаев был неглуп, среди тысяч возможных ответов на поставленный вопрос мог безошибочно найти не верный, а нужный, поэтому, наверное, и оказался в кресле председателя районного суда. При другом стечении обстоятельств и при другом понимании взаимоотношений между ним и областным судом с Виктором Аркадьевичем никогда бы такого чуда не произошло. В Терновском судебном сообществе вперед всегда продвигался именно тот, кто среди тысяч возможных ответов находил не верный, а нужный. Нужный председателю Терновского областного суда Игорю Матвеевичу Лукину.

О противоборстве Лукина и Струге Николаев знал давно, еще в то время, когда заместительствовал в Кировском районном суде. Антон Павлович Струге не попал в «команду» Лукина практически с первых дней службы, и именно это обстоятельство превращало жизнь первого в постоянный гнет со стороны второго. Где-то в глубине души Николаев завидовал Струге, потому что сам подломился уже на третьем году судейства. Подломился как раз в тот момент, когда подошел черед его утверждения на пожизненный срок. Уже почти миновали три первых года, и он уже свято верил в то, что его кандидатура много вопросов у членов квалификационной коллегии вызвать не должна, что вопрос о его утверждении на том заседании – проходной, как...

Он уже потом понял, что такие мгновения жизни судебного сообщества, как проверка устоявшегося судьи на возможность или невозможность вхождения в «команду», Игорь Матвеевич Лукин без внимания не оставляет. Однако прозрение наступило потом, когда вернуть ситуацию назад было уже невозможно.

Оставшись как-то за председателя Кировского райсуда, наверное, уже в последний раз перед назначением на эту должность официально – действующий председатель уходил в отставку, – Виктор Аркадьевич временно приобрел и его полномочия. Это случилось как раз в тот момент, когда одному из судей мэрией Тернова выделялась квартира. Судье, его жене и дочери, проживавшим в общежитии. Страна Россия, пожалуй, единственная, где государственные люди властной структуры под названием «Судебная» могут проживать в общежитии совместно со слесарями, алкоголиками и бездельниками. Судья встречается с ними в общем душе, в общей кухне, слушает их не обезображенные интеллект речи, одним словом, всеми силами поддерживает и не умаляет авторитет судебной власти. Живет так, как и должно житься человеку, отправляющему в своей стране правосудие. И вот мэрия позвонила в Судебный департамент, сообщая, что готова выделить судье трехкомнатную квартиру в новом доме...

В общем-то, с этого и началась та самая, неприятная для воспоминаний Виктора Аркадьевича история. Понятно, что даром ничего не дается, и за выделенную квартиру мэрии будет платить не судья, а Судебный департамент. Роль председателя суда в подобной ситуации может оказаться решающей, хотя именно он не имеет никакого отношения к выделению судьей жилого помещения.

Николаеву поступил звонок от Лукина. Само по себе событие невыразительное, если рассуждать с точки зрения обывателя. Рабочий момент. Однако сама суть просьбы заставила Николаева насторожиться. В своей речи Игорь Матвеевич попросил Виктора Аркадьевича сделать все возможное и невозможное (на этом делался особый акцент), чтобы новосел в квартиру не переехал. Во всяком случае, в этом году. «Более чем зловещая просьба в начале января», – подумал тогда Николаев.

– Как же так? – удивился Виктор Аркадьевич. – Ему ведь по закону должны предоставить квартиру в течение шести месяцев. Прошло уже два с лишним года, а он до сих пор живет в общежитии.

«Есть более нуждающиеся, – сказал Лукин. – Правильно, Виктор Аркадьевич?» Положив трубку, Николаев, сжав сердце в кулак, согласился с Лукиным в той части, которая касалась «более достойных». Об улучшении своих жилищных условий Николаев думал уже полгода. Сам он проживал с женой и кошкой в обычной «хрущевке» в три комнаты и считал свои условия подходящими для улучшения.

Решение было принято, и Николаев позвонил в мэрию. А именно – в юридический отдел и Жилищный департамент. Попросил не форсировать события относительно выделения судьей квартиры. Там его поняли с полуслова. Выдавать их квартиры судьям вынуждает тягостная обуза в виде закона, а не уважение к людям, отправляющим правосудие. И началась та историческая для Тернова война судьи с ветряными мельницами. Признав главным виновником неисполнения обязанностей по выделению ему квартиры мэрию, судья обратился в суд. Возможен ли подобный маразм где-то еще, помимо Тернова?.. В суде юристы из городской ратуши бились не на жизнь, а на смерть. Понятно, что бились зря. Ни один судья не возьмет на себя ответственность вынести заведомо неправосудный приговор, если он очевиден для общественности просто до наготы. Это можно сделать, если есть хотя бы одна тряпка, которой можно прикрыть срам подобного решения. В этой ситуации нет ни тряпки, ни даже фигового листа. Есть решение суда, которое для мэрии явилось фиговым. Вскоре Виктор Аркадьевич переехал в ту самую трехкомнатную квартиру, в которую должна была переехать семья другого судьи. А сам судья, испытав все мучения и унижения, которые только может испытать человек, защищающий для других закон, переехал в квартиру Николаева. Ее ему выделили от мэрии, поскольку другой не было.

Вот такая история. Виктор Аркадьевич уже готовился стать председателем Кировского суда, однако ручеек информации о том, кто в чьей квартире живет, просочился сквозь огромные торосы Судебного департамента и превратился в лужу под ногами судей Кировского суда. Коллектив оказался не из хлипких, и вскоре Николаев попал в такие стесненные обстоятельства, когда «верхи больше не могут», а «низы просто не хотят». Председателем Николаев все-таки стал, однако не Кировского суда, а Центрального. Игорь Матвеевич никогда не забывает людей, которые сознательно влились в его «команду» и действуют не по принуждению, а по убеждению. Читай – по понятиям...

А вот Струге и в жизни, и в процессе судил не по понятиям, а по закону и не позволял стае трахнуть себя за право включения в свой коллектив, за право рвать куски от заваленной этой стаей добычи. Парадокс. Волк-одиночка, свято соблюдающий законы, придуманные стаей, не желающий влиться в нее по причине того, что она их нарушает. Более краткую характеристику для честного судьи найти, пожалуй, трудно. Потому и задерживались блага и звания, преду-

смотренные законом для Струге. Такие мелочи, как присвоение очередного классного чина. Когда на пять месяцев, когда на семь...

Сняв трубку, Николаев набрал номер.

– Антон Павлович, доброе утро.

– Доброе.

– Я тут бумаги перебирал и обнаружил, что третий классный чин вам должны были присвоить...

– В марте сего года, – аккуратно и без вызова перебил его Антон Павлович. – А почему вы об этом вспомнили?

– Да потому, что вы об этом не вспоминаете! Почему вы не попросили меня подготовить на вас документы в коллегия?

– Да потому что это, если мне не изменяет память, ваша обязанность.

– Антон Павлович, у меня в коллективе целых десять судей! Я не могу помнить жизненные вехи каждого!

– У вас в коллективе *всего* десять судей. Вот Игорь Матвеевич ничего не забывает, хотя у него в коллективе сто с лишним судей. Впрочем, я не в обиде. Если вы переберете весь мой послужной список, то обнаружите, что мне еще ни разу классный чин не присваивался вовремя. Ерунда какая. Не чинов ради служим, Виктор Аркадьевич. Ведь правда?

Николаев решил не принимать упрека. Он его не заслуживает. Уж в чем он не виноват, так это в том, что классные чины судье Струге присваивались с большой задержкой.

– У меня, знаете, – между тем продолжал Антон Павлович, – вся судейская служба, как женская жизнь. Сидишь и ждешь – придут, не придут?..

– Ладно, Антон Павлович, не ерничайте, – миролюбиво заметил председатель. – Я сегодня же подготовлю все документы в коллегия и напишу на вас характеристику.

– Хорошую? Думаете, дело выгорит? Вот Лукин, например, считает, что разлагающейся тушке рассол уже не поможет.

– Это вы о ком?..

– О себе, разумеется. А что касается моего молчания относительно присвоения классного чина... Знаете, Виктор Аркадьевич, забота об излишнем часто заканчивается потерей необходимого. Отдельные члены коллегии, приближенные к императору, начнут задавать каверзные вопросы. В прошлый раз меня, например, один из областных судей спросил: «А почему вы, Струге, играете на стадионе в футбол с ранее судимыми гражданами? Не кажется ли вам, что подобными действиями вы дискредитируете судебную власть?»

– А вы что, с ранее судимыми в футбол играете? – опешил Николаев.

– Вот видите, и вы туда же. А я что, перед игрой должен проверять у игроков соперничающей команды наличие справки о судимости? А я думал, что вы удивитесь тому, что кто-то позволяет себе вести наблюдение за частной жизнью судьи.

Николаев поморщился, в очередной раз убедившись в том, что причины, по которым Лукин желает сжить Струге если не со света, то хотя бы из судейского сообщества, ему понятны.

– Оставим темы, далекие от основной, – предложил он, ощущая во рту привкус кислоты. – Я подготовлю документы, и после вашего выхода из отпуска вы как раз успеете на июльскую коллегия. Классный чин не только звание, Антон Павлович, это еще и прибавка к зарплате, поэтому зря вы молчаливым гордецом живете. Пятьсот-семьсот рублей в нашей жизни – не так уж мало. Так что успокойтесь и спокойно отдыхайте, я все сделаю. А гордыня... Гордыня еще никому не пошла на пользу.

– Вы еще скажите, что она смертный грех, – добавил Антон. – И я назову вам место, где остальные шесть совершаются так активно, что моя гордыня отдыхает и без вашего совета.

Не желая становиться участником разговора, при котором будут упомянуты неприкосновенные судейского мира, Николаев быстро попрощался и повесил трубку.

Положил трубку и Антон. В том, что классный чин ему присвоят, он не сомневался: чтобы его не присвоить, нужны веские основания. А вот задержать представление – можно. Что сейчас и произойдет. Николаев подготовит документы и отправит, а они будут пылиться в шкафу квалификационной коллегии до декабря. Впрочем, Струге от этого ничуть не переживал, потому что знал – его дурное расположение духа будет бальзамом для тех, кто все десять последних лет его службы пытается вспороть ему судейское брюхо. В коллективе сильных мира сего, к коим относятся и судьи, не бывает прощения ошибок и времени, предоставленного для исправления ситуации. Один неверный шаг – и тебя засосет в трясины. При этом вокруг будут стоять многие из тех, кто носит мантию, и помогать уйти тебе на дно.

В половине пятого вечера в кабинет вошел тот, чьего появления Струге никак не ожидал.

– Посоветоваться хотел. – Уложив папку на стол, Пащенко стал ковыряться в сигаретной пачке. – Интересные подробности всплывают, Антон Павлович...

– Ты об убийстве бизнесмена из Германии? Как его? Франк...

– Бауэр, – подсказал Пащенко. – Франк Бауэр. Чуть-чуть не дотянул до Беккенбауэра... Алиса, у вас спички есть в кабинете?

Струге усмехнулся и бросил на стол зажигалку.

– Представляю, как весело живется твоему секретарю! Так что за подробности?

– Тут вот такая штука выходит. Этот Бауэр держит в Потсдаме пяток гаштетов, и, как я понял из рассказов его коллег и вдовы, прибывшей за телом, его бизнес особо не процветает. Сорок процентов дохода, что он получает при ведении своих дел в Германии, съедают налоги. При таком положении вещей пытаться создавать в такой стране, как Россия, тем более в таком ее городе, как Тернов, сеть ресторанов по меньшей мере бесперспективно. Для иностранных инвесторов смириться с бесследным исчезновением половины вложенного капитала непросто. Герр Бауэр имел некоторые сбережения, однако их не хватит не то что на сеть, а на два ресторана быстрого питания. Мариноха же, его так и не состоявшийся компаньон, уверяет следствие в том, что немец хотел оцепить забегаловками весь Тернов. Конечно, требуемый уровень капиталовложений в Тернове гораздо ниже, чем, скажем, в той же Москве, однако остается непонятным, на что рассчитывал Бауэр, приезжая к нам с пустым карманом.

– Может быть, ни жена, ни его приехавшие знакомые не знали об истинных масштабах капитала господина Бауэра? – спросил Антон, сортируя на столе бумаги. – Моя жена, к примеру сказать, понятия не имеет, сколько денег у меня лежит во втором томе «Консуэло» на второй полке шкафа.

– Не путай себя с пунктуальным немцем, который знает, что деньги выгоднее держать в Потсдамском банке, а не в произведениях бабы с мужским именем Жорж.

– Потому-то я еще и жив, что больше доверяю сомнительным бабам, нежели Сбербанку, – отрезал Струге.

– Чтобы вывезти тело Бауэра, его супруга обратилась за помощью к социальным службам Потсдама. – Пащенко пустил в потолок последнюю струю табачного дыма и смял в пепельнице сигарету. Реплику Струге он пропустил мимо ушей. – Бизнесмен привез с собой вещей на месяц проживания, а Мариноха утверждает, что всех дел у Бауэра было – это осмотреть места возможного расположения кафе, которые тот ему приготовил, подписать необходимые бумаги и вернуться в Германию. То есть дел на два дня максимум. Зачем немец вез в Тернов чемодан, набитый вещами, словно его, непутевого, выгнала из дома жена? Вот это все, вместе взятое и перемешанное, и вызывает у меня подозрение.

Струге оттолкнул от себя папку и посмотрел на Алису, которая, впервые оказавшись в водовороте рассуждений одного действующего и одного бывшего сыщика, слушала беседу затаив дыхание.

– А ты что скажешь, Алиса? – Антон улыбнулся. – Что ты можешь сказать как женщина?

– Я не знаю, что там произошло в той гостинице, только мои родители вот уже четыре года живут в Дюссельдорфе, и каждый из них знает счета другого, как расположение родинок на своем теле. Ваш немец или мошенник, или у него во внутреннем дворике дома закопана большая сумма наличных, которые он украл из банка... Кстати, а кто его убил?

Засмеяться Струге уже не смог – этот последний день на работе высосал из него все силы, а Пащенко был не из тех, кто веселится над девичьим наивом.

– Да черт его знает, – бросил он, скользнув лукавым взглядом по мантии судьи. Струге снимал ее с плеч, и казалось, что в кабинете орудует фокусник. – Козел какой-то.

Антон не выдержал и глухо расхохотался.

– Нечего тогда мнение спрашивать! – обиделась Алиса. – Но, рассматривая этот детектив глазами женщины, могу сказать, что ни одна жена не упустит возможности поучаствовать в укладывании вещей мужа в чемодан для дальней дороги. Если это так, то именно фрау Бауэр знает, чем так долго собирался заниматься ее муж в такой дыре, как Тернов. Не думаю, что, сворачивая свитера, упаковки маек и носков в чемодан, ее муж мог попрощаться с ней одной фразой: «Через три дня вернусь, дорогая!»

Струге закончил вешать мантию в шкаф и обернулся. На него смотрели удивленные глаза Пащенко. Смотрели и спрашивали: «Не хочешь поменяться секретаршами?»

– А еще что ты можешь сказать?... – Антон уважительно прищурился и потянулся к пачке прокурора.

– Накурили... Опять мне Николаев выговаривать будет! Антон Павлович, вы часто в наши пиццерии и «Аллегро-фуды» заходите?

– Что-то не припоминаю, когда был в последний раз.

– Около нас есть такая пиццерия, и я частенько там обедаю. И могу сказать вам, что в обеденный перерыв, то есть в тот момент, когда должен быть час пик, из десяти расположенных там столиков занято максимум три. И это в центре города, то есть там, где пиццерии и подобные забегаловки традиционно пользуются спросом среди преуспевающих клерков, риэлторов и менеджеров. А на окраинах директора держат эти заведения только для того, чтобы платить налоги, выплачивать деньги персоналу и на вопрос «Ты чем живешь?» отвечать: «У меня несколько пиццерий!» За четыре года жизни в Германии даже мой отец, который мог запросто снять с себя рубашку и отдать первому встречному, стал прижимист и научился считать каждый пфенниг. И не уверяйте меня, я вас умоляю, что ваш Франк Бауэр, не продумав каждого своего шага, рванул в Тернов делать бизнес. Немец может не знать российских традиций, но конъюнктуру российского рынка он знает лучше, чем любой терновский барыга!

Пащенко уважительно пошевелил губами. То, что они со Струге хотели превратить в шутку, приняло совершенно неожиданный оборот. Антон же впервые услышал свою секретаршу, произносящую подряд более десятка слов. И неглупых, кстати, слов. Она только что научила двоих опытных мужиков уважать молодость и не только давать ей дорогу, но и изредка выказывать уважение. Антон и раньше замечал у нее под столом томики детективов, но относил это увлечение лишь за счет тяги к таинственному. Сейчас «его» девочка продемонстрировала, что детективы она не просто читает, а может их анализировать и даже давать оценку качеству написанного.

– Очень мило, – пробубнил Пащенко. – Очередная вариация на тему «Чем больше я узнаю, тем меньше я знаю». Не хочешь ко мне, следователем? Зарплата в три раза выше, какая-никакая, а власть...

– Мне и тут хорошо. Не чета вашей власти, – машинально парировала Алиса, посмотрела на Струге, смутилась и принялась листать прошлогоднее дело, которое должна была отнести в канцелярию еще неделю назад.

– Вот тебе и ответ, Пашенко, – вздохнул прокурор. – Где тут толковые кадры подобрать, если они все в судах?

– Не преувеличивай. У нас тут других кадров хватает, не знаем, как их, лукавых да способных, в прокуратуру передать... У меня такой вопрос – а ты Мариноху на предмет совершения этого злодеяния не отработывал?

Вадим решительно замотал головой:

– Ты уже спрашивал, и я уже отвечал. Исключено. У него железное алиби. В тот момент, когда у Бауэра наступила смерть, он находился рядом с Эйхелем. Причем со страховкой в плюс-минус один час.

Струге посмотрел на часы.

– А я и не говорил о том, что это он нажимал на спусковой крючок. Бауэр мог везти в Тернов деньги или ценные вещи, и Мариноха мог об этом знать. Теперь, когда уверенность в том, что немец ехал заключить договор на открытие кабачков, пошатнулась, я не исключаю, что тема его приезда была совершенно не та, о которой тебе поведал Мариноха. Он мог не «иметь» алиби, а «зарабатывать» его. И еще один вопрос меня беспокоит. Из всех людей в городе в течение одного дня лишь я и Бауэр поняли, что над мэрией развеивается не российский флаг, а сербский. Странно, правда? А что связывает меня и Бауэра? Ничего. Ничего, потому что если бы не рассказ Вальки Хорошева, который я вспомнил совершенно случайно, то Бауэр вообще остался бы самым наблюдательным в Тернове.

– Над мэрией сербский флаг?! – Алиса округлила свои и без того огромные глаза и стала переводить их от Струге к Пашенко. – Это как?!

– Кстати, – не обращая внимания на этот эмоциональный всплеск, сказал Вадим, – Валя Хорошев звонил мне сегодня утром. Хочет встретиться. Узнав, что ты в городе, обрадовался и пригласил нас в ресторан. Это, так сказать, к слову.

– Да ты что?! – рассмеялся Антон. – И когда состоится эта историческая встреча бывших футболистов школьной команды?

– Завтра в восемнадцать у ресторана «Садко», в Кольцово. Я там был разок. Неплохая кухня и вполне культурное обслуживание. Господин Хорошев, судя по его короткому рассказу, при деньгах и при понятиях, так что просит не беспокоиться на предмет роскоши.

Струге удивился и растерянно потер ладонью щеку.

– Слушай, Вадим, Кольцово – это же в двадцати километрах от города... А ты переназначить встречу не пытался? Почему бы ему сейчас не позвонить и не пригласить в «Центральный»? И на предмет роскоши пусть не беспокоится...

– Брось. Парень с головой, значит, знает, что делает. Раз ему удобнее встретиться там, и при этом у нас есть машина, то в чем вопрос? Ладно, ты домой едешь?

– Поехали. Алиса, тебя до вокзала добросить?

– А что она, за городом живет? – спросил Пашенко, когда они вышли на улицу вперед секретаря. – Еще один минус езды на работу при зарплате в две тысячи рублей...

– Ничего подобного. Она живет неподалеку от железнодорожного вокзала в трехкомнатной квартире улучшенной планировки, которую ей, перед отъездом в упомянутый город Дюссельдорф, оставили родители.

Проезжая в машине прокурора вместе с Пашенко и Струге, она, сидя на заднем сиденье, еще раз посмотрела на флаг городской ратуши.

– Я что-то не поняла, – с подозрением промолвила она, потрогав Струге за рукав. – Это была шутка? Какой же это сербский флаг? Красная, синяя и белая полосы на своих местах...

– Да, – ответил Струге. – Только вверх ногами. А это и есть сербский флаг.

Глава 6

Утром следующего дня Игорю Матвеевичу Лукину, председателю Терновского областного суда, позвонил председатель квалификационной коллегии судей и сообщил, что поступили документы из Центрального суда на представление судье Струге очередного, третьего классного чина.

– Что будем делать? – поинтересовался глава квалификационной коллегии.

Лукин ответил:

– Вы коллегия, вы и думайте.

Повесил трубку и задумался.

Противоборство между ним и Струге достигало своего апогея. Собственно, противоборством это можно было назвать с большой натяжкой. Лукин мог раздавить судью в один момент, проблема заключалась лишь в том, что он не знал, как правильно это сделать. На памяти Игоря Матвеевича это был первый случай, когда ему в течение столь длительного времени не удавалось взять верх. Все осложнялось тем, что эти невидимые простому глазу, но очевидные для судейского коллектива схватки до сих пор заканчивались в пользу Струге, причем за явным преимуществом. В данном случае неважно, какой ценой удалось Антону Павловичу сохранить свою судейскую шкуру, важно, что его не удалось свалить самому Лукину.

Вроде бы все складывалось в пользу Игоря Матвеевича: образ жизни Струге был таков, что разыскать в его действиях если не состав преступлений, то поступки, умаляющие судебную власть, при всем желании было можно. В Терновской области не было судьи, который с таким завидным упорством прямо или косвенно участвовал во всех значимых событиях города. При этом речь идет не только о симпозиумах ученых аналитиков или спортивных состязаниях, но и о самом настоящем, замшелом криминале. Казалось, что может быть для Лукина проще, чем рассмотреть в этой мешанине противоправные поступки того, кто не должен ввязываться в подобные события ни при каких обстоятельствах?

– Если бы... – пробормотал Лукин, разминая пальцами мочку уха.

Действительно, «если бы». В финале всех событий оказывалось, что судью Струге нужно не казнить, а воспевать. А уж премировать – точно. По всему выходило, что этот неугомонный тип по фамилии Струге во всех смычках криминала с законопослушным меньшинством города всегда выступает на стороне последних. Заступается, так сказать, за слабых и немощных.

Прокручивая в голове разговор с председателем квалификационной коллегии, Лукин размышлял о том, что классный чин Струге, по всей видимости, присвоить придется. Председатель квалификационной коллегии звонит председателю суда и сообщает, что Николаев выслал в адрес коллегии документы на присвоение классного чина своему судье! Нонсенс! Полный абсурд, начиная со второй части фразы! Когда предложение звучит как «председатель квалификационной коллегии звонит председателю суда и сообщает...», оно имеет право на законное существование. Едва председателю сообщается о том, что в коллегия пришли документы, и глава квалификационной коллегии спрашивает на сей счет мнение, оно обречено на провал в подземелье закона. Туда, где царит беззаконие. Лукин, как и всякий председатель областного суда, не имеет никакого отношения ни к организационно-штатной структуре ККС, ни к ее деятельности. Но только не в Терновском областном суде. Это, наверное, единственный суд в стране, где царит «кумовщина» и диктатура единовластного правителя. Всем было очень хорошо известно о том, что ни одно решение ККС, чего бы оно ни касалось – утверждения кандидатуры на должность судьи, заслушивания, присвоения классных чинов, – не проходит мимо внимания Игоря Матвеевича Лукина. Он делал купюры, давал советы, приравнивающиеся к указаниям, – словом, выполнял то, полномочиями на что наделяется руководитель структуры. Этой структурой была, есть и остается в Терновском судейском сообществе квалификационная

коллегия судей. Независимый орган, созданный для наиболее справедливого вынесения решений в отношении судей. Независимый орган... Скорее – просто орган. Орган Игоря Матвеевича. Один из тех многих органов Игоря Матвеевича, которые по определению никак не могли ему подчиняться, как то – Совет судей, Судебный департамент. Судейское сообщество Терновской области представляло собой обезличенный организм безмозглого великана, в котором автономно существовал и управлял этим телом по своему усмотрению мозг маленького, тщедушного человека по фамилии Лукин. Невозможно утверждать, что таких, как Струге, среди судей было мало, их было достаточное количество, просто сложилось так, что именно Антон стал постоянным объектом внимания Лукина. Этому повышенному вниманию способствовало поведение Струге, его непримиренческий характер и откровенно вызывающие поступки в тот момент, когда нужно было, по всеобщему представлению, держать хвост под брюхом. Проблема же для Лукина при разборе таких поступков заключалась в том, что ни один из них не попадал под санкции Кодекса чести судьи в той части, где упоминается устойчивое, привычное для многих судей словосочетание «умаление судебной власти». Все, что делал Струге в зале судебных заседаний и вне его, если не восхищало, то вызывало уважение не только в коллективе, но и вне его.

Вот это и была та проблема, над которой размышлял, теребя мочку уха, Лукин. Классный чин можно задержать, но не присвоить невозможно. Для последнего нужны основания, которых у Игоря Матвеевича опять не было. Почувствовав, что ухо раскалилось, Лукин оставил его в покое и снял трубку.

Месяц назад в областном суде рассматривалось уголовное дело по факту причинения смерти случайному прохожему одним из сотрудников частного детективного предприятия Тернова. Агентство «Агата» приняло на работу сомнительное лицо, а отдел лицензионно-разрешительной работы ГУВД совершил непростительную ошибку, вручив ему удостоверение, лицензию и пистолет Макарова. Стрельба началась почти сразу, едва тайный агент вышел на тропу частного сыска. Бывший командир взвода в Чечне, уволенный за недисциплинированность, граничащую с неповиновением, устроился работать в милицию Тернова, однако, приняв более выгодное предложение, почти сразу ушел из органов. На вторую неделю работы в «Агате», выполняя заказ какого-то коммерсанта по установлению факта платежеспособности своего компаньона, бывший «чеченец» привязал объект своего наблюдения к батарее центрального отопления, в его же квартире, и бил его пистолетной рукояткой по голове с восьми утра до пяти вечера. «Объект тайного сыска» скончался, а на суде адвокат «сыщика» утверждал, что причиной смерти ни в чем не повинного гражданина явился факт того, что бывшему военному никто не объяснил, как именно должно проводиться наружное наблюдение и в чем заключается смысл приватного выяснения тонкостей финансовых счетов усопшего бизнесмена. К Лукину тогда приезжал человек из «Агаты», некто Валандин, и в ходе переговоров было достигнуто понимание, вылившееся в условный для подсудимого срок. Каким образом оно было достигнуто, история умалчивает, однако сейчас как нельзя кстати этот случай Игорю Матвеевичу вспомнился.

Уже через пять минут после звонка ему директор «Агаты» мчался на своей самшитовой «девятке» к областному суду. А через полчаса спускался вниз. Если нужно последить за судьей, находящимся в отпуске, и эта просьба исходит не от кого-то, а от самого председателя областного суда, уже продемонстрировавшего свои симпатии, то почему такую просьбу не исполнить? Понятно, что за подобные «оперативные мероприятия», прямо противоречащие закону, менты могут оторвать все, что выступает за очертания тела, однако станут ли они это делать, если инициатором этой работы является сам Лукин?

Итак, задача номер один – установить и зафиксировать документально все, что, по мнению директора детективного агентства, может являться в поступках судьи Струге незаконным,

сомнительным и остальным, что впоследствии давало бы основания трактовать эти поступки двояко.

Задача номер два – осторожность, осторожность и еще раз осторожность.

– У этого парня глаза не только на затылке, – внулал директору Лукин. – Опасность он чувствует кожей. Если ваш человек попадет к нему в поле зрения, будьте уверены в том, что он обязательно заговорит... – Положив руку на живот, он поморщился: – Что ты будешь делать с этой язвой... Врачи запрещают, а жить не могу без лимонов.

– Мои люди – профессионалы, – мягко отрезал директор. – Они умеют держать... – Он хотел сказать – «теплую воду в заднице», однако вовремя спохватился и исправился: – Язык за зубами. Не волнуйтесь.

– Вы меня не поняли. – Лукин склонился над столом, и директору показалось, что при язве таких нырков ни один больной делать не решится. – Я не за себя волнуюсь, а за вас. Если ваш человек попадет в поле зрения Струге, то он обязательно заговорит. Заговорит, потому что Антон Павлович из тех людей, которые умеют развязывать язык. Поэтому будет лучше, если вы отправите на задание немого, не умеющего написать фамилию того, кто его послал, и не могущего показать дорогу, по которой он пришел. У вас есть такие люди?

– Нет, – сознался директор.

– Советую найти.

Ломая голову над тем, кто бы из его сотрудников мог подойти под описание Лукина, директор агентства спустился с крыльца суда и приблизился к «девятке». К тому моменту, как он включил зажигание, кандидатура была подобрана.

В тот момент, когда директор еще ехал в суд, ломая голову над тем, зачем он понадобился председателю, в одном из брошенных цехов разваленного демократией завода металлических конструкций происходили странные события. У ворот цеха стояли две никак не вписывающиеся в общий пейзаж автомашины, и за рулем одной из них, серебристого «Мерседеса», откровенно скучал водитель. Второго водителя не было видно, и причина этого легко объяснялась: он и еще четверо людей, пассажиров этих машин, находились внутри этого кирпичного здания с покосившимися воротами. Ворота висели так, как их оставили пять лет назад – разбросанные в стороны, они напоминали орла с повисшими крыльями. Сквозь просветы щелей пробивалась трава, асфальтовая дорожка, обозначающая вход в строение, была замусорена, в воздухе витал дикий крик... Если бы не «Мерседес» с гранатовым «Ланд Крузером», замершие у входа, могло бы показаться, что это звучит вопль призрака завода, не могущего обрести покой среди заводской разрухи.

Но в цехе находились не фантомы, а люди. Они были живы и здоровы, кроме одного. Он был еще жив, но уже очень нездоров. Примотанный к токарному станку кусками алюминиевой проволоки, он кричал так, что даже у эха не хватало сил повторить его вопль.

Старший из тех, кто привез продукт обработки в цех, послал одного из своих людей на поиски какого-нибудь инструмента, который подошел бы к диаметру барабана станка, а сам стал с любопытством рассматривать жертву.

Что заставляет этого, формально уже почти мертвого, человека так упорствовать? Он лишь орет как волк, которому капкан перебил лапу. Пять минут назад руку этого молчаливого партизана положили на станину станка, и Хан, самый безбашенный из команды Седого, дважды ударил трубой по кисти молчуна. Седой, когда услышал этот вопль, сразу подумал о том, что нужно было сделать это еще за городом и не тратить время на то, чтобы везти его сюда и пугать молчаливой тишиной пропахшего ржавчиной завода. Однако вопль сменился на стон и опять... Опять это молчание, только теперь уже сопровождаемое конвульсивными подергиваниями руки и всхлипами. Тогда Седой понял, что поездка на завод оказалась не напрасной. Хан сумел быстро починить станок, и молчун был привязан грудью к огромному барабану.

Пока Хан бродил по цеху, высматривая на его грязном полу сверло или фрезу, которую можно было укрепить на токарном барабане, Седой подошел к станку. Он медленно крутил в губах сигарету, и упорство этого безумного мента приводило его в состояние оцепенения. Зачем терпеть такую боль, заставляя себя молчать? Почему нельзя было назвать имя своего стукача, сучонка поганого, еще там, за городом? Все бы обошлось. У ментов работа такая – вербовать в чужих командах сук и питаться информацией, как молоком матери. В команду Седого затесалась «сука», это было так же очевидно, как и то, что уже трое из его ближнего круга ушли в СИЗО. Почти полгода было непонятно, что является причиной такого катаклизма. Убрать с дороги Маркина, опера из районной «уголовки», нужно было еще давно, год назад, когда он впервые сунул свой нос в дела Седого. Но тогда Седой не обратил на это внимания, сочтя такое любопытство обыденным милицейским делом. Наткнется молодой оперок на стену, успокоится и пойдет «харчеваться» раскрытиями туда, где это более доступно. Но прошло три с половиной месяца, и Маркин за руку увел в Терновский СИЗО сначала Ворона, потом Корня и, наконец, Свиста. Опер, не в пример своим коллегам, хавающим «шестерок», пропускал их меж пальцев, останавливая свое внимание на более уважаемых персонах. Седой спохватился тогда, когда в тюрьму загремел Свист. Следующим, если ориентироваться на логику мента, должен быть Хан, а потом и он сам. За четыре месяца плодотворной работы этот мусор почти разобрал группировку, которая сколачивалась долгие годы. С Вороном ушла в тюрьму связь с людьми из Питера, арест Корня похоронил надежду примириться с братвой из Тюмени, и, наконец, Свист... Последняя ступень, оставшаяся до Хана, опустела, а это означало, что оборвалась связь с правоохранительными органами. С теми ментами, которые помогали и благодаря связи с которыми можно было успевать уезжать оттуда, куда уже ехали их люди.

Та периодичность, с которой люди Седого утопали в общих камерах изолятора, пополняя ряды авторитетов внутри их стен, заставила его задуматься о причине такой стабильности. Маркин был приговорен, однако оставалась хоть какая-то надежда, что можно будет не проливать кровь мента. Было достаточно назвать в приватном разговоре того, кто сливал ему информацию из команды его, Седого. Договориться можно всегда. Пора и честь знать. Получи отступные и отвали. Тем более что сделано немало. Зачем бузить, бросаясь в штыковую, если всегда можно найти общий язык? Не Родину же защищаешь, за зарплату работаешь...

Но Маркин отказался. Глупец, он, сидя на пластиковом стульчике летнего кафе, даже не понимал в тот момент, что своей рукой поставил подпись на собственном же приговоре. «Забитая» с ним «стрела» прошла вхолостую. Однако слово свое мент сдержал. Пришел без оружия, не потянув за собой муравейника в масках.

– Отдай мне его, Паша, – сказал тогда, видя, как опер встает со стула, Седой. – И мы сочлись. Ты и так уже хлебнул через край, так не дай мне обозлиться...

– У тебя нет моих людей, – ответил Маркин. – А если бы были, неужели ты думаешь, что я бы тебе их слил?

И вышел из кафе.

Через пять минут его взял Хан с тремя бойцами и, притравив газом, вывез за город, на берег Терновки. Но и тогда можно было все оставить на прежних местах. Маркин не понял темы и тогда. После этого обратной дороги не было уже ни у него, ни у Седого. «Старший оперуполномоченный уголовного розыска Центрального РОВД Маркин Павел Александрович» – так значилось в удостоверении, лежащем в кармане, – был избит, уложен в багажник «Ланд Крузера» и доставлен на завод Металлических конструкций.

Теперь он, свисая со станка и пытаясь сплюнуть с разбитых губ слюну, смотрел на Седого. Его пальцы на левой руке, переломанные во всех суставах, висели на руке, как неприятные взгляду сухие сучья. Неподалеку стоял Буза и тупо смотрел на туфлю оперативника. Вторая осталась там, на берегу. Туфля была покрыта грязью и ржавой пылью. От белой рубашки опера почти не осталось следа. То, что еще продолжало висеть на теле, словно разодранная в бою

туника гладиатора, было насквозь пропитано кровью. Буза был прихвачен для компании после того, как Седой оставил бойцов отдыхать в своей квартире. Так они и приехали на завод: Седой, Хан, Буза и Маркин...

– Паша, Паша... – пробормотал Седой, отмахнув от лица Маркина прилетевшую на запах смерти муху. – Откуда столько упрямства? Неужели нельзя было сдать мне суку? Мою же, заметь, суку. Кто он, Паша?

Маркин едва заметно качнул головой.

– Не говоришь... – вздохнул Седой. – Разве пострадал бы город, если бы я, узнав его фамилию, прибил ублюдка? Среди моих людей нет святых, Паша. Кто-то из них, когда-то, где-то, да замарал себя кровью. Вы же любите, когда мы себя, да своими же руками? Еще минус один из моей компании. Чего, собственно, ты и добиваешься. Так зачем все это?

Маркин закрыл глаза, дрогнув искалеченной рукой и снова разлепил окровавленные веки.

– Молчишь... Мне только одно не понятно, Паша. Зачем ты, заурядный опер из уголовного розыска, занимаешься тем, что на вашем языке называется «организованной преступностью»? Город задыхается от квартирных краж, карманники на вокзале совсем голову потеряли от массовых удач, а ты, кто призван возвращать горожанам чемоданы с похищенным, суешь пятакину в целую структуру. Как так, Паша? Молчишь... Последний раз спрашиваю – сдашь суку или нет? Если договоримся... Если договоримся, Паша, я тебя отпущу. Потом ночи спать не буду, но отпущу. Вот и Хан с какой-то железякой идет... Так как?

Маркин шевельнул губами.

– Что? – оживился Седой. – Что говоришь, Паша?

– Нет у меня твоих людей на подсосе, Седой... – просипел Маркин. – Ты почему... такой тупой?.. Это же... личный сыск... Седой... Личный сыск и мозги...

– Черт! – Седой услышал не то, что ожидал. – Это ты тупой, Маркин!! Ты!!! Я закопаю этого стукача, а ты будешь жить!! А так получится наоборот! Пройдет неделя, я все равно этого гада вычислю, и он вслед за тобой отправится! Так стоит ли игра свеч?!!

– Ты не там ищешь... – Маркин хотел сказать еще что-то, но из его нутра выпрыгнула и скатилась на грудь густая струйка крови.

– Вот упрямый ублюдок! Хан!! Вставляй свою железную херню в станок! Кто из нас бывший токарь, я или ты?! А ты что стоишь?! – Последний вопль Седого был обращен уже к Бузе. – Держи это ментовское тело, чтобы не сваливалось!..

Через минуту, вставив кусок арматуры в барабан и затянув его обрезком трубы, Хан включил мотор...

Видя, как к его плечу приближается стремительно вращающийся рифленный штырь, Маркин затрясся и сжал в кулак здоровую руку...

Через несколько секунд они остановились. Одежда всех троих была залита кровью и напоминала робу мясников. Хан с Бузой оттащили Маркина от барабана и уложили в прежнее положение. Заработавший станок оживил в моторе масло, и теперь в воздухе, помимо сырого запаха резаного мяса, пахло еще сгоревшим автолом.

Опер лежал и косил глаза на разбитое арматурой огромное отверстие в своем плече.

– Господи боже...

– Больно? – справился Седой. – Паша, еще есть шанс. Я тебя потом даже до больницы донезу. Но оставлю на крыльце, ты уж извини. С врачами объясняться как-то не хочется.

– Седой!!

Этот крик прокатился по цеху, и никто из присутствующих, увлеченных делом, сначала даже не понял, откуда он происходит.

– Седой!

На входе в цех стоял водитель «Мерседеса» и держал в руке трубку мобильного телефона.

– Тебя Нечай спрашивает!

Звонил представитель Кемеровской братвы, и отказаться от разговора с ним было бы для Седого неприлично. Для бесед с ним, Седым, Нечай всегда находил время.

– Ладно, покурим пока. Хан, Нечай будет интересоваться рыночными делами, так что ты будешь нужен мне для разговора. Буза! Вставь парню в рот сигарету, пусть покурит. Если решит поговорить – зови.

Через секунду в цехе стало тихо. Полной тишине мешало лишь прерывистое дыхание Маркина. Буза стоял напротив него с пачкой сигарет в руке и не сводил глаз с окровавленного тела. По его щекам, словно наперегонки, бежали две струйки пота...

– Дай... сигарету...

Дрожащими пальцами Буза стал лихорадочно рыскать пальцами в пачке. Пальцы искали сигарету, а глаза продолжали смотреть на оперативника.

Маркин поднял на него остекленелый взгляд.

– Я не мент... Запомни номер московского телефона... Позвонишь и скажешь, что картина у человека по фамилии Полетаев. Седой вышел на него, поэтому пусть поторопятся...

– Какая картина??

– Не перебивай... – Опер огорченно поморщился – то ли от боли, то ли от того, что уходит драгоценное время. – Я не мент, парень...

Буза застыл с сигаретой в руке.

– Ты не бандюков мне сдавал... Ты картину искал... – Маркин терял последние силы.

– Кто ты?! – Недоумение, застывшее на лице Бузы, можно было назвать разочарованием. – Какую картину?..

– Им я тебя не сдам, но у моих ты на примете... Потому не говори, что был здесь, иначе порвут... О тебе в «конторе» знают, поэтому сильно не бегай... Лучше сам приди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.